

Семенов А.А.

Гермес в PR

как я продавал мифы кинофестивалей

Александр Александрович Семенов

Гермес в PR, или как я продавал мифы кинофестивалей

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=71596252
SelfPub; 2025*

Аннотация

Перед вами книга о пиарщике, работающем в кинофестивальном хаосе. Но формальности – для слабых.

На деле это мета-роман, философская комедия, корпоративный триллер, постмодернистский аттракцион и фэнтези! Потому что, когда реальность начинает ломаться, а мифы оживают, логично задаться вопросом: а была ли вообще эта аннотация?

Герой пишет книгу, но внезапно понимает, что сам живет внутри нее. Коллеги обсуждают его жизнь, словно она уже опубликована, мистический незнакомец намекает, что текст может менять реальность, а в офисе происходят события, которые даже для артхаусного кино слишком странные. Сны сбываются, диалоги пишутся сами, а мифы вдруг оказываются гораздо реальнее, чем должны быть.

Это роман, о котором сложно говорить, но невозможно молчать. Смешной, абсурдный, интеллектуальный и пугающе правдивый.

Читать, если готовы рискнуть стать персонажем. Или, возможно, уже им являетесь.

Содержание

ПРЕДУПРЕЖДЕНИЕ	5
Глава 1. Как я попал в киноад	7
Глава 2. Культурное кинопросвещение	19
Глава 3. Сцены расширяется	35
Глава 4. Дышащий желтый кадр отца	41
Глава 5. Из другого мира и тайного космоса	56
Глава 6. Киногид занудных ботанов, увлекающихся античностью	71
Глава 7. Собрание, где решаются судьбы мира сего	87
Глава 8. Сфинкс Викторовна и черный куб магии пиара	109
Конец ознакомительного фрагмента.	124

Александр Семенов Гермес в PR, или как я продавал мифы кинофестивалей

ПРЕДУПРЕЖДЕНИЕ

Все персонажи, события и организации, упомянутые в этой книге, являются вымышленными. Любые совпадения с реальными людьми, событиями или организациями – случайны.

Все, что написано здесь, может быть неправдой. Но если вы почувствовали, что это правда, значит, для вас она таковой стала, хотя бы на время прочтения. Или же она стала реальной правдой.

Эта книга правдива и лжива одновременно. Каждый ее момент может быть реальностью или всего лишь вымыслом. Возможно, вы найдете в ней истину, а может быть, и вовсе ничего не найдете. Все зависит от того, как вы решите чи-

тать.

Да, большинство событий действительно происходило. Но какие именно – я не скажу. Однако после прочтения все станет ясно. Но, если что – спрашивайте у меня.

Глава 1. Как я попал в киноад

Если ты читаешь эти строки, значит, я уже вовлек тебя в мета-игру. Обещаю, впереди будет нечто уникальное, крутой экшн и неожиданные повороты сюжета. Если тебе лень следить за всем этим с самого начала, можешь сразу перейти к моим любимым главам – 4, 5, 6, 7, а потом 10, 11, 12, 13. Но знай, что тогда все будет совсем непонятно.

– Ну что, коллеги, приступим к нашему великому делу – развитию насмотренности, – объявила Ирина Викторовна, входя в зал с видом строгой училки. – Сегодня смотрим фильм Годара. Да, знаю, это для вас, как лекарство без сахара, но придется.

– Опять эти французские черно-белые мучения? – пробормотал видеомонтажер Валера, заранее растирая виски. – Может, хоть разок «Рэмбо» запустим? Там Слай, экшн, стрельба, один человек против всего города, а в продолжении против армии страны!

– «Рэмбо»? – Ирина Викторовна приподняла бровь так, что я немного утонул в кресле. – Милый мой, откуда у Вас такие вкусовые предпочтения? Вам нравятся накаченные по-

дуголые мужчины... Это многое объясняет. Но нет, сегодня вы будете погружаться в искусство, а не в джунгли боевиков.

– А что вы скажете о «*Звездных войнах*»? – уточнил я, чувствуя необходимость заступиться за Валеру. – Ведь Лукас вдохновлялся «*Дюной*» и Куросавой. Культовыми вселенными!

– «*Звездные войны*»? – Ирина Викторовна с таким пафосом сняла свои очки, что я на секунду подумал, будто мы на сцене театра. – Фэнтезийный балаган со световыми мечами? Конечно, это культ, но философии там чуть меньше, чем в меню «*Мака*». Ты бы еще фильмы Marvel вспомнил, Саша! Для деревень пойдет!

– А у Вас какие любимые фильмы? – решился спросить я, пока Ирина Викторовна не пустила в ход свою ненасытную страсть к разбору европейского кино.

– «*Седьмая печать*», «*Осенняя соната*» – коротко ответила она, сложив руки на груди.

– А-а-а... Это где люди молчат и смотрят друг на друга пять минут? – уточнил я, подбираясь к пропасти.

– Именно, – улынулась Ирина Викторовна с таким удо-

вольствием, будто я сам себя посадил за пересмотр всего Бергмана.

– А кроме Бергмана? – я решил, что если буду спрашивать о ее вкусах, не придется смотреть сегодня ничего, кроме ее речи.

– Ах, ну, с чего начать... Ну, конечно, *«Китайка»* Годара! Это просто невероятное произведение. Такой сюрреализм! Такой взгляд на Китай через абстрактные образы и философские размышления. Это как метафора, но настолько скрытая, что почти невозможно понять с первого раза. Но это же и есть искусство, не правда ли?

– *«Мужчина и женщина»*, конечно. Лелуш, да, я знаю, это более мейнстримный фильм, но эта игра с эмоциями, моменты молчания, эта недосказанность... Столько смысла скрыто в каждом взгляде! Ну а если говорить о более легком...

– *«Украденные поцелуи»* Трюффо, ах, как он описывает отношения между людьми, не поддаваясь на очевидные стереотипы! Этот фильм, как погружение в личные размышления героя. Очень странный, но такой прекрасный!

– Вы что, не видели? Хм, вам стоит! Кино не для всех, конечно, но если захотите понять, что такое настоящее ис-

кусство, то *должны* это увидеть.

После фильма, который, конечно, оказался абстрактным и символичным, началась дискуссия.

– Ну что, господа эстеты, кто хочет поделиться впечатлениями? – начала она, пробегаясь взглядом по угнетенным лицам.

– Эм... Ну, это было... необычно, – осторожно пробормотал я. – Мне понравилась сцена, где... персонаж что-то искал. Это ведь про экзистенциальный поиск, да?

Ирина Викторовна повернула голову ко мне так медленно, будто репетировала свое выступление перед зеркалом.

– Конечно, все аллюзия, – подтвердила она. – Вопрос в том, что именно он искал. А теперь давайте я скажу.

Это была стандартная фраза, после которой мы молча соглашались, что все наши мысли и гипотезы – жалкая тень ее анализа.

– Это работа о внутреннем конфликте. Видите, как режиссер использует символику тени? Это аллегория подавленных эмоций. И обратите внимание на ракурс камеры – он бук-

важно заставляет нас быть соучастниками. А вы? – Она повернулась к мне. – Что Вы поняли?

– Я... понял, что мне надо больше фильмов смотреть.

– Вот именно! – торжественно заявила Ирина Викторовна. – Насмотренность, Саша. Вот что Вам нужно. И перестаньте предлагать «Дюну». Это излечимо, но потребуется время.

Ирина Викторовна была живым воплощением микромеджмента. Если у вас был дедлайн завтра, она уже знала, что вы опоздаете, и находилась за вашей спиной, чтобы лично убедиться в этом. Иногда мне казалось, что она может мысленно управлять компьютерами сотрудников. Бывали дни, когда она так вдохновлялась нашими текстами, что исправляла даже пробелы. Я до сих пор думаю, она видела их под микроскопом.

Кристина, формальный начальник, вроде бы командовала, но ее функции я не сразу понял. Возможно, она была чем-то вроде посла доброй воли между коллективом и Ириной Викторовной. Хотя иногда казалось, что она просто тренируется на нас, прежде чем пойти в политику.

Что касается меня, то я был новичком. Чувствовал себя

как студент, которого случайно занесло на лекцию по квантовой физике. Особенно на тех кинопоказах, которые организовывала Ирина Викторовна. Это были не просто показы, а священные ритуалы. В конце фильма она поворачивалась к нам и говорила: "Ну, кто что понял?" – а мы молча пытались спрятаться за креслами.

Но если Ирина Викторовна могла анализировать фильм как искусствовед, то я, в свою очередь, мог только предлагать: "А вы заметили, что в этой сцене актер подмигнул? Наверняка это метафора капитализма!" Кристина иногда смотрела на меня с выражением лица "мы точно этого человека наняли?", но быстро успокаивалась, вспоминая, что у нее еще впереди квартальный отчет, и мой уровень понимания фильмов – ее меньшая из проблем.

Странно, но кино особо никто не любил. Казалось бы, в отделе кинопродвижения должны работать заядлые киномамы, но на деле все оказалось иначе. Весь этот крутой мир, а энтузиазма – ни у кого. А на другом показе был такой прикол: Ирина Викторовна спросила видеомонтажера, что он думает о фильме, который, как оказалось, зашел не всем.

– Мне понравился фильм. Тут главная героиня – девочка, которая убежала из дома матери, потому что та о ней не заботилась. И бабушка поступала также. Интересно наблю-

дать, как женское поколение плохого воспитания осуждает своих родителей, но все равно повторяет их судьбу, – ответил Михаил.

Ирина Викторовна улыбнулась:

– У вас очень интересное мнение! Это правильно – у каждого свой взгляд, ведь мы все смотрим через призму собственного восприятия. И это замечательно, я рада, что у нас столько разных мнений! Но позвольте уточнить: на объективном уровне картина всё-таки неудачная. Просто у вас пока не хватает насмотренности. Здесь ведь режиссёр известный, он постоянно работает в этом жанре и снимает свои глубоко личные, но довольно неприятные истории. Поэтому и кадр не эстетичен, и сценарий хромает – я это сразу вижу, понимаете? Фильм, по сути, вообще ничем не заканчивается. Но да, для менее искушенного зрителя он, возможно, может показаться интересным.

– Понятно, но я вот думаю, что он хороший... – начал Михаил, но его перебила другая сотрудница. Она иногда спорила с Ириной Викторовной – не из вредности, а чисто с профессиональной точки зрения. Вы знаете, это ее подружка Вакулина... А, нет, не видели ее? Короче, далее по сценарию её реплика.

– Вы не понимаете! Это жизнь! Такое бывает! Я прожила много лет, и эта история мне откликается. Я чувствую, что такое могло случиться со мной, с моей соседкой или с кем-то из вас. Понимаете? Это жизнь!

Ирина Викторовна игнорирует Вакулину и обращается ко мне:

– Саша! А ты что думаешь про фильм?

Я не ожидал этого вопроса. Казалось, что я не вхожу в их киноклуб «Завтрак» – так я про себя его называл. Но, видимо, это была своего рода проверка моей компетенции. Не зря же Ирина Викторовна взяла меня на работу.

Я попытался ответить как мог:

– Ну, я думаю, что фильм похож на «Дюну». Тут как бы родственники воюют между собой за влияние на других, а также, конечно, на главного патриарха. Их отношения такие сложные, знаете? Они одновременно любят и ненавидят друг друга, а в итоге каждому нужна своя галактика и своя пряность – как элемент контроля над вселенной. А в роли этой вселенной... старая дача.

В воздухе повисла такая гробовая тишина, что я сразу по-

нял – зря это сказал. Я замолчал, а все продолжили обсуждение, как будто этого момента вообще не было. Как же хорошо, что они не обратили на это внимание.

Ирина Викторовна, заметив мое смущение, с удивлением сказала:

– Саш, ну какая «Дюна», ты что с ума сошел?! Там три женщины: бабушка, дочь и внучка, и они не в космосе, а в деревне! Вместо спайса у них – самогон Петровича! А ездят они не на огромном черве, а на вишневой девятке!

Я, несмотря на неуверенность, попытался отстоять свою позицию:

– Да-да, но это как в «Дюне»! Бетларианский джихад! Это когда их дом затопило, а электричество отключилось – один к одному! Режиссёр явно вдохновлялся не вышедшей экранизацией «Дюны» Алехандро Ходоровски. А три женщины – это сакральное число! У них тайный орден, и они явно ищут своего мессию Муад’Дибя, который сможет им починить крышу!

Ирина Викторовна, пытаясь сдержать смех, посмотрела на меня:

– Ты что, со мной пикируешь? Я тебе сама крышу отремонтирую!

Я, понимая, что нужно срочно выкручиваться, ответил:

– Нет, Ирина Викторовна, я не спорю!

Но, честно говоря, спорить я не переставал и дальше.

Ирина Викторовна подошла ко мне после обсуждения и сказала:

– Саш, ты что, заблудился, как Улисс? А, ты не знаешь, кто это... Как Одиссей, поплыл не туда, да? Сирены тебя украли? Понимаешь, тут тебе не кино или книга жанра фэнтези! В смысле, это не просто смотреть! Это нужно знать! Это нужно понимать! Оно гораздо шире референсов! Киноискусство с тобой, как со зрителем, взаимодействует на нескольких уровнях: визуальном, аудиальном, смысловом! Это как... как сплошной лабиринт символов! Как древнегреческие трагедии, но в контексте постмодернистского восприятия, понимаешь?! Это не просто дача с бабушкой, Саш, это культура! Глубокая, как черный юмор Тарковского!

– Саш, мне кажется, ты слишком много читаешь, что ли... На самом деле, здесь не нужно ничего придумывать, просто

нужно видеть, что режиссер сделал. Все куда проще! Это не «Дюна», это не Бетларианский джихад! Это просто жизнь. Жизнь, которую он показывает через призму своих личных переживаний. Понимаешь?

Я что-то буркнул себе под нос:

– Конечно, понимаю. Все понял! Но, может быть, все-таки в следующем фильме будет тоже немного песчаных червей?

Ирина Викторовна только закатила глаза и небрежно махнула рукой:

– Саш, все, не смей больше про песчаных червей вспоминать, а то с ума сойдешь!

Я замолчал, но в голове продолжал разворачиваться целый мир фантазий, где эта картина вдруг обрела величие и многозначительность, напоминая сцены фрименов, верхом на червях Арракиса. Только вот вместо грандиозных просторов и эпических событий – старый дом в деревне и горы повседневных забот. Но что, если я все-таки прав, а они просто не видят этой глубины, этого скрытого смысла? В главе 6 вы поймете, что перед вами была странная и противоречивая сцена, а к концу книги станет очевидно, что все это не случайно.

Глава 2. Культурное кинопросвещение

Мы прерываем выпуск новостей для срочного сообщения!

Шокирующие новости из Сибири! В самом центре таежной глубинки была обнаружена загадочная деревня, жители которой не стареют! Да, вы не ослышались – ни времени, ни усталости! Но что скрывается за этим феноменом? Секрет заключается не в экзотических травах, а в абсолютном отсутствии интернета! В этой деревне не слышали о мобильных телефонах, социальных сетях или современных технологиях – местные жители живут, как в 90-е.

Однако самое странное не это. Все дело в их культовой практике – древней традиции, связанной с игрой на приставках, которые они называют «Донди» и «Сеха». Жители проводят дни и ночи, управляя синими ежами и водопроводчиками в ярких костюмах на экранах телевизоров. Эти аркадные игры 80-х и 90-х кажутся бессмысленными, но, как утверждают местные, они – ключ к их вечной молодости.

Как объясняют ученые, это явление связано с вмешательством тайного общества, которое управляет временем через

магические устройства и странные игровые практики. Но сами жители утверждают, что это не просто игра, а сакральный ритуал, передаваемый из поколения в поколение.

Деревня поделена на две фракции: «Сонибоев» и «Детей 90-х». Каждая группа утверждает, что их учение верно, и что только они знают настоящий секрет вечной молодости. А вот попытки выйти за пределы этой традиции, будь то подключение к интернету или использование мобильных телефонов, немедленно приводят к старению.

В центре всего – поиск пророка, известного как «*Великий ностальхатор*», который, как считают местные, должен прийти и вернуть мир к утраченному прошлому. Но есть и те, кто верит, что он уже среди нас.

Итак, как попасть в эту странную деревню? Не так просто, как кажется. Согласно местным преданиям, только те, кто "по-настоящему понимает суть игры", могут найти портал в этот мир и пройти к нему через погоню за фиолетовыми драконами. А вот что происходит с теми, кто осмелится остаться на ночь, остается загадкой: возвращаются они с пустыми смартфонами и в теле подростков.

Секрет этой деревни остается нераскрытым...и тот факт...что

Ладно, выключаю. Не смотрите новости, там такое показывают, с ума можно сойти. А теперь внимание! Я нарушил все законы повествования. Вставил захватывающий ва-

ше внимание кусок в самое начало, как в хорошем фильме – с эффектным вступлением, чтобы сразу поймать. Представьте: кино начинается с яркой сцены, а потом плавно переходим к сюжету, который все объяснит. Если бы я пошел по стандартной хронологии, то сам бы, наверное, уже выкинул эту книгу в окно.

Это не значит, что дальше будет неинтересно! Напротив, вот где начинается настоящее шоу! Если бы эта книга была фильмом, вы уже увидели бы захватывающую погоню и компьютерные спецэффекты. Но, увы, пока у меня только текст. Да и, честно говоря, рисовать комиксы я не особо умею – так что, наверное, и манга была бы изобразительной катастрофой. Но не переживайте, у нас есть другие способы удивить! Воображение! Дальше будет только интересней... или сумасшедше, в зависимости от того, как вы это воспримете! Потерпите немного букв с объяснениями, гарантирую, что их мало.

Моя специальность – связи с общественностью (PR). Пожалуй, стоит признаться, что все мои достижения в этой сфере выглядят немного не так, как хотелось бы. Не могу похвастаться ни бесконечными статьями в журналах, ни фееричными PR-кампаниями с кучей лайков. На самом деле, я как будто нахожусь в каком-то кинофильме, где роль главного героя отдают кому-то другому, а мне отводят эпизодическую

роль, где я занимаюсь всем и сразу, пытаюсь собрать свою книгу. Лучше бы я просто писал тексты и ничего бы не делал.

Я проходил через фастфуд, банки, контактные центры и прямые продажи. В каждом новом месте я ожидал чего-то яркого, но вместо этого сталкивался с абсурдными ситуациями. Мне приходилось искать решения для проблем, которые на самом деле не существовали, как в сценах из фильмов, где все не по-настоящему. Знаешь, как бывает, когда ты ждешь от работы киношного экшена, а тебе приходится разбираться с бумагами и зарплатой, которая скорее напоминает финансовую трагедию?

Потом, конечно, я решил, что хватит быть эпизодическим персонажем в чужих фильмах, пора сыграть в своем собственном. И вот, на горизонте появилась вакансия, которая обещала быть чем-то гораздо более захватывающим, чем все предыдущие роли. Кино! Ну ладно, не прям кинематографическая работа на съемках, но хотя бы шанс. Шанс, что я смогу быть частью значимого мира.

Так я и оказался в этом киновидеоцентре, где мне начали рассказывать про кинопродвижение. Кто придумывает такие названия? Да, я не фанат российских блокбастеров, но мне нужно набраться опыта и найти нормальную работу. Хотя бы копирайтером.

Вот я и оказался в этом удивительном месте – киновидео-центре, где все начиналось довольно мирно и даже немного скучно. Я рассчитывал на креативные задачи и яркие проекты, но первым заданием стала... реклама бонусной карты. Это было как сцена-обманка, когда ты понимаешь, что все пошло не по плану, но продолжаешь держаться, как будто ты просто идеально исполнил свою роль.

– Саша, я не люблю, когда ко мне приходят в кабинет без всего, да еще и с пустыми руками! – заявила Ирина Викторовна, кидая на стол ручку и блокнот. Я немного потерялся в этой системе походов к начальству, но заметил, что все на совещании получают задания и сразу записывают их.

Я такого еще не встречал. Обычно задания приходят в мессенджерах, на почту, ну или хотя бы устно. А тут все сидят, как в школе, и записывают на листочках. Куда я попал? Делать нечего, я тоже схватил блокнот и стал фиксировать требования, как будто на диктante. А то вдруг в конце совещания скажут: “А теперь сдаем!”

Интересно, как вообще можно эффективно работать, если каждый день проводить по три совещания? Конечно, если они короткие, то еще ок. По крайней мере, не успеваешь забыть, что говорили на первом. А еще я понял, что процесс

создания книги – это как съемки фильма. Я сначала придумал концовку, а начало пришло только в конце, точно как сцены, которые снимают не по порядку! Черновик, кстати, был полнейшей скукотейшей.

Про диктант, кстати, я угадал. Ирина Викторовна – бывшая учительница русского языка и литературы. А это многое объясняет! Я уже два листа исписал с заметками, что мне нужно сделать и посмотреть. Чувствую, что к концу это все превратится в эпистолярный жанр. Причем с примесями детектива, потому что в слове «посмотреть» кроется не просто значение, а целый сакральный смысл. Это не "погуглить", а "найти и выполнить задачу", но вот какую именно – загадка.

К счастью, многое забывалось, а то, что не забывалось, часто не имело вообще никакого смысла. Поручения были такими, что заставляли сотрудников чувствовать себя немного важнее, чем на самом деле они были. Найди свой смысл сам, а также все литературные и киношные отсылки и без сносок.

После того как Ирина Викторовна в очередной раз с доброй улыбкой напомнила, что ролик я должен сделать на высшем уровне. Я подумал, что ладно, без выкрутасов, сделаю просто, но красиво”. Поставил себе цель – не хуже чем в «Терминаторе» намонтирую! Эффектный монтаж с такими же переходами, как и в лучших фильмах – или хотя бы как

в самом простом видеоролике для соцсетей.

Но на практике это выглядело, как подбор старых нарезок, которые даже никто не удосужился смотреть до меня, с минимальными правками и вставками. Я, как мог, скомпоновал все по брендбуку, добавил шрифты и цвета – в общем, сделал «модным и безупречным», как и обещал.

И тут начались проблемы... Мой компьютер был старый, как паровоз братьев Люмьер из *«Прибытия поезда на вокзал Ла-Сьота»*. Я, конечно, в кино работаю, классику нужно уважать, но теперь это не кино-приключение и не кино-событие – это ремейк *«Человек с бульвара Капуцинов»*. Каждую секунду комп грозился выйти из строя. Монтировать на нем было так же плохо, как искать работу по моей специальности. Или снимать документалку о том, куда податься гуманитариям с унижающими его технологиями.

Каждые сорок минут экран превращался в черную пустоту.

– Малевич, подумал я вслух.

– *«Черное зеркало»*, – подсказала мне коллега Аня. – Ты в кино работаешь или в музее?

Конечно, я не Индиана Джонс, но замирал в ожидании, как статуи в гробницах, пока мой компьютер воскреснет после нажатия кнопки «вкл».

Закончив, наконец, первый вариант, я представил его Ирине Викторовне. Ее имя идеально вписывается в ее характер. Она могла быть только Ириной и только Викторовой. Ну, не Надеждой Петровной же? Простите все Надежды Петровны, к вам нет претензий, это прекрасное имя. Но Ирина Викторовна такая только одна. Как Гай Фокс из «*V, значит Вендетта*».

Сейчас будет вставка из новостей, как в начале. Мне что, и отдохнуть нельзя?

Новое открытие потрясло научный мир: айтишники, работая с кодом, теперь зарабатывают быстрее, чем распространяются фотонные частицы.

Согласно заявлению Федерального Института Светопроводных Технологий (ФИСТ), зарплаты разработчиков в области информационных технологий растут с такой скоростью, что ученые утверждают: они буквально выходят за пределы Вселенной.

Первые эксперименты показали, что разработчики не

только получают деньги мгновенно после написания кода, но и их оплату уже нельзя вычислить традиционными методами. Как пояснил профессор Леонид Гладиков, возглавляющий проект: “Если раньше для того, чтобы получить зарплату, необходимо было дожидаться банковского перевода, то теперь айтишники начинают зарабатывать до того, как заказчик осознает, что им нужно платить.”

Однако не все так радужно. Вчера в московском офисе одной крупной IT-компании был зафиксирован случай, когда зарплата одного из разработчиков буквально «вырвалась» за пределы Земли и исчезла в открытом космосе. Руководство компании заявило, что это “не будет иметь последствий”, но вот сотрудник не может ее теперь найти. Досадно. Его коллеги массово пишут в свои резюме новую необычную зарплату – выше скорости света.

Ситуация обострилась, когда поступили предложения о налогообложении на зарплаты айтишников, превышающие скорость света, а Международный Союз Телепатии хочет внедрить налог на “мгновенные доходы”. Некоторые хитрые айтишники начали генерировать деньги с помощью квантовых алгоритмов, создавая виртуальные валюты, которые существуют только в параллельных реальностях.

Научные обозреватели считают, что это явление мо-

жет привести к созданию новых экономических законов, которые уже не подчиняются общепринятым правилам...

Надо было стать айтишником. Говорили мне, иди в IT. Уже слишком поздно. Я не успеваю за их скоростью.

С нетерпением жду, что скажут по поводу монтажа. Подсознательно я готовился к «*Апокалипсису сегодня*», так сказать, мой собственный Вьетнам. Но к правкам я привык еще во фрилансе.

“Добавь ярче цвет на белый текст, сделай шрифт менее скруанвм и перемести его в более стильное место, убери вот эти анимации, но сделай их побольше!” – задание, которое казалось изначально простым, стало поглощать меня как черная дыра. Я думал, что это просто бонусная карта, но нет – это была целая миссия по спасению рядового Бонуса. Ладно, эта шутка мне самому не нравится.

Я пытался быть скромным и не спорить, но когда Ирина Викторовна попросила поменять размер шрифта еще раз, я почувствовал, что превращаюсь в персонажей «*Твин Пикс*». Я карлик в красной комнате, и меня будут убивать, как Лору Палмер. И мы все тут внутри тарантиновских диалогов о Мадонне и названиях бургеров в разных странах. А в бургерах я понимал толк.

Ну что, ты уже запутался? Ты думаешь, что это шутка? В главе 7 будет отсылка на этот момент! Запомни, или лучше запиши, а то забудешь. Почувствуй то, что я ощущал на собраниях. Будет полное погружение. На самом деле не совсем отсылка на этот момент, но не хочу спойлерить. Просто продолжим смеяться над бургерами и Тарантино! Может, вся книга их будет высмеивать? Потом расскажешь, как в итоге вышло.

Ирина Викторовна, наконец-то, после финальных 1492 правок, сказала:

– Надо посоветоваться с коллегами из другого отдела. Я им отправила твой ролик.

Я, конечно, был шокирован – что, серьезно? Оказывается, тут есть совещания даже по таким вопросам. Я с надеждой подумал, что, возможно, мне наконец-то скажут что-то разумное, и я увижу свет в конце туннеля. Этого, конечно, не случилось.

Придя к коллегам из методического отдела, они, посмотрев ролик, с выражением лиц, что существует параллельная вселенная «*Матрицы*» (Не зря Бодрийяру не зашел этот фильм), произнесли:

– Да, мы видели твой ролик. Он нам в целом понравился. Но мы предложили некоторые улучшения. Вот список.

Я посмотрел на *это* и чуть не заплакал – это был точный список правок, которые я сам уже применил в своем первом варианте. Я же пошутил про «Терминатора»! Почему я вновь оказался в прошлом на две недели назад?

Я спросил:

– Вы серьезно? Это же те же правки, которые я уже применил. Как это возможно? Мы что, застряли в петле времени?

Они, не моргнув глазом, сказали:

– Это все мелочи. Просто уточним у Ирины Викторовны, она точно скажет, что так надо.

Я был в шоке. Думал, я сейчас взорвусь, но спокойно ответил:

– Хорошо, давайте уточним у Ирины Викторовны, потому что я уже вносил правки по ее указаниям. Все вроде готово!

Они на меня посмотрели с таким выражением, как если

бы я предложил заменить кулер в офисе на аппарат по приготовлению пиццы:

– А, надо у нее спрашивать? Тогда оставляй, нам все нравится!

Я стоял, как персонаж «Назад в будущее», только вместо машины времени у меня был поезд-ноутбук. Весь этот процесс напоминал мне сцены из «Дня Сурка», и я пытался вспомнить, где еще была петля времени в кино. Да где угодно она была.

Вдруг это проклятое место и я попал в мир с мета-отсылками и вынужден проживать свой персональный киноад?

Я по-настоящему задумался: может, я сам стал все-таки персонажем «Шоу Трумана», и это просто реалити-шоу по издевательствам над людьми со специальностями, которые мало кому нужны?

Я чувствовал, как на мне сжимается невидимая ловушка времени. Этот офис, эти люди, Ирина Викторовна – все казалось частью огромного театра. Я вспомнил, где еще герои застревали. Точно! Я, как герой в фильме «Помни», только вместо татуировок – и странные правки на каждом листе.

А может, Ирина Викторовна – это Миранда Присли из «*Дьявол носит Прада*»? Уж очень она похожа на нее. Дает свертяжелые задания, не объясняя, как их выполнить правильно и удовлетворить требования, которые только растут. Ее одежда кажется более дорогой, словно она сама – воплощение офисного Олимпа, с которым нельзя поспорить. Может, мне и правда называть ее Мирандой? Или Мерил Стрип? «*Дьявол правит Кино*»!

В итоге я вышел из этого тупика просто забив на все, зная, что лучше бы я сам жил в деревне с ретро-ностальгией по 90-м. И киношные отсылки меня не спасали.

Но я зря переживал. Потому что ролик утвердили и... *ничего!*? Его так и не выложили. Ну, хотя бы можно добавить в резюме строчку: создание рекламного видеоконтента на профессиональном уровне!

Да, реально зря мучался, это уже не вымысел. Ролик до сих пор лежит на том компе, или я его на облако перенес? Возможно, потом позвоню Ирине Викторовне и спрошу, что это было! А она бы сказала: “Саш, но ты ведь сам не придумал, куда его выложить, так что, это твоя вина”. Действительно. Именно тогда у меня и появилась идея написать книгу. Чтобы кто-то подсказал, и мы уже вместе подумали, как поступать в таких ситуациях.

Я еще год ходил и все время повторял сам себе:

– Надо об этом книгу написать...

И вот! Или нет, не так было:

– Лучше я потом про этот дурдом книгу напишу, хотя бы для себя. Знать бы еще, как это делается.

– Да?

– Наверное!

– Забыл.

– Поэтому и говорю, записывай! Хоть какой-то полезный совет от бесконечных правок получили!

Но, в итоге, я изготовил типа рекламный ролик, как кино в стол. Не все фильмы могут добраться до проката. И мой не доехал. Что ж, помянем. Но зато я теперь точно знал, что столкнулся с тем самым производственным адом! Точно! Вот это я понимаю – аутентичное погружение в индустрию. Отличный онбординг новичков получается.

Кино – это сложно, подобные случаи нередки. Фильмы отменяют или не могут закончить их до конца. Нет, эти фразы клише, подобное не только в кино происходит. Может, удалить?

Не переживайте, дальше будет еще больше безумия и диалогов, а меня, возможно, отругают за лишнюю болтовню! Без спойлеров! Хотя, признаюсь, спойлеры – это моя работа. Потом сам поймешь почему. И теперь жалко, что выделил свои любимые главы, потому что на самом деле все они важны для полной картины! А еще давайте я буду обращаться к вам на вы. Все-таки, если тут я, моя кошка и вы, значит, минимум, нас трое и это уже успех!

Глава 3. Сцены расширяется

Не пугайтесь, больше я хронологию не менял. Потому что не придумал карту, чтобы не затеряться в ней. Вы знали, что так сценаристы схемы сюжетов и рисуют? Зато я сочинил далее нечто смешное. Встретил в коридоре монтажера Максима. Давайте просто представим, что я уже с ним знаком. Он поприветствовал меня с загадочной улыбкой.

– Слышал, ты с ИВ спорил! – начал он.

– С кем?

– С Ириной Викторовной!

– А, да... Я не спорил, просто предложил свою интерпретацию фильма...

Максим покачал головой и ухмыльнулся:

– Ты это дело брось! Меня она вообще в прошлый раз выгнала!

– В смысле выгнала? – удивился я. – За что?

– Да было дело, – Максим понизил голос, оглядываясь по сторонам. – В прошлом месяце обсуждали монтаж ролика на фестиваль. Она говорит: тут ставим Шопена, а эту актрису убираем – не нравится ей. А я, значит, шутки ради предложил: “А давайте сделаем, как в *«Зеленом слонике»!*”

– И как она отреагировала?

Максим скопировал строгий голос Ирины Викторовны:

– “Максим, ты что, хочешь перекрасить ролик в грязно-зеленые оттенки и добавить звуки скрежета вилки?”

– А что ты?

– Я говорю: ”Хорошая идея, Ирина Викторовна! Можно еще куропаток и цапель вставить!”

Я уже не сдерживал смех, пытаюсь делать это как можно тише:

– И?..

Максим картинно вздохнул:

– А что? Она просто махнула рукой и сказала: “Максим, иди отсюда... И не приходи больше!”

– Получается, я еще легко отделался?

– Возможно, – Максим хитро прищурился, – просто у нее вчера было хорошее настроение.

Мы снова захихикали, но тут рядом появилась та самая Вакулина.

– Приветтики-пистолетики, мальчишки! Чего смеетесь?

Мы переглянулись.

– Да фильмы обсуждаем, – отозвался Максим, стараясь выглядеть серьезно.

– Вчерашний?

– Не только, – добавил я.

– Это правильно. А вам какие нравятся?

Я попытался ответить:

– Жизненные, наверное...

Но меня снова перебил Максим:

– «Зеленый слоник»!

– Ой, Максим, иди нафиг со своим слонем! – рассмеялась Вакулина. – Ну честно, сколько можно? Посмотри уже что-то другое. А лучше почитай! Вон, у Саши спроси что!

Она повернулась ко мне:

– А тебе, Саш, наверное, фантастика больше нравится?

– Да! Вообще, я кино не очень часто смотрю.

Вакулина прищурилась:

– Оно и заметно. Насмотренности-то нет!

Она ушла, оставив нас с Максимом в легком замешательстве.

Я повернулся к нему:

– А чего она так Пряма как Ирина Викторовна заговорила?

Максим загадочно улыбнулся:

– А ты что, не знаешь? Во дела. Они с ней подружки. Или вместе работали, я уже не помню. Короче, знакомы давно.

Мы снова переглянулись.

– Ладно, – я махнул рукой, – и я тоже почухаю, пока меня не выгнали из киноvideоцентра за разговоры о фильмах.

Максим рассмеялся:

– А то! Береги себя, киноаналитик!

Мы разошлись, но мне все равно казалось, что в этой истории с Ириной Викторовной и Вакулиной есть еще какой-то скрытый сюжет.

Почему-то эта глава вышла короткой. Не знаю причин, давайте так оставим. Какой смысл писать ради символов? Какие-то главы больше, другие меньше. Дело не в объеме. Самое интересное впереди. Надеюсь мне удалось выстроить баланс между плотностью и легкостью. Есть место, где передохнуть? Или подышать? О, об этом как раз следующая глава.

Глава 4. Дышащий желтый кадр отца

Не успел я зайти в наш кабинет кинопродвижения, как зазвонил рабочий телефон:

– Саша! Зайди ко мне в кабинет!

Это была Ирина Викторовна! Я испугался, что она слышала наш разговор с Максимом и теперь собирается меня наказывать или, что хуже, запретит заходить к ней. А мне же нужно работать! Я не знал, как выбраться из этой неловкой ситуации.

– Здравствуйте, Ирина Викторовна!

Я всегда здоровался с ней несколько раз, называя её Ириной Викторовной, потому что мне сказали, что она не любит, когда к ней обращаются без имени и отчества, да и вообще без должного уважения

– Здравствуй, Саша! Но мы же виделись сегодня?! – Недоумевает Ирина Викторовна легко хихикая.

Ей все равно нравилась такая вежливость, думал я.

– Помнишь я тебе рассказывала, что у нас будет проходить фестиваль-конкурс любительского кино? Для нас он очень важен, это наша главная работа года! Я просила разузнать о нем у Ани и Кристины!

Я совсем забыл о фестивале, потому что был поглощен просмотром любимых фильмов Ирины Викторовны – таких, как «Седьмая печать» и «Осенняя соната». Я смотрел их, но не совсем понимал. В поисках объяснений я стал читать разборы картин в интернете, но, к сожалению, стоящие материалы были в основном на французском, немецком и немного на английском. Из этих языков я более-менее владел только последним. Пока я пытался разобраться в сложных религиозных отсылках и метафорах, фестиваль ускользал от моего внимания.

– Да, Ирина Викторовна! Мои коллеги мне предоставили полную информацию обо всех этих фестивалях!

– Отлично! Я в них и не сомневалась! Засмеялась она. Я отправляю тебе в отдел к нашим мальчикам монтажерам. Ты должен им помочь с монтажом роликов, уж очень у них большая нагрузка...

– Ирина Викторовна! Не хочу вызвать непонимания, просто хочу уточнить, что конкретно мне нужно делать на фестивале? В целом, все ясно, но хотелось бы знать свою роль более точно, чтобы подготовиться, так как никогда с такими проектами не работал.

Ирина Викторовна улыбнулась и пожал плечами.

– О, хорошо, что ты спросил! Пока не придумала, на какую площадку тебя организовать, но не переживай, это еще не твоя забота. Нам еще кучу релизов писать надо до начала фестиваля, около 200 штук минимум. В прошлом году Аня писала то ли 300, то ли 400.

– Она одна писала?

– Нет, конечно! Я ей помогала и другая сотрудница до тебя. Но она пошла на повышение и теперь не работает здесь.

Вот это карьерный рост, подумал я.

– А монтажеры чем занимаются, как им помочь?

– Ты сейчас пойдешь к ним, и они тебе все расскажут. Извини, у меня сейчас много дел, некогда объяснять. Нужно

подправить сценарий открытия фестиваля. Я его набросала телеграфно-шизофренически, как Воннегут. – И тут она рас- смеялась.

Из колонок на фоне начинался играть Шопен.

Я понял ее шутку, но мне было не смешно. Я не понимал смену настроения. Почему она до этого выглядела такой строгой, а теперь шутит и смеется. И по офисам ходят слухи, что она серьезно относится к работе, а тут юморески вставляет. Может, на нее повлиял кто-то или Максим? А вдруг, Максим выдумал ту историю про его изгнание из кабинета и зеленого слоника. Как в литературе бывает ненадежный рассказчик, так и в кино... Максим такой персонаж, как его, трикстер, Локи? А я ему поверил, думал у нас что-то общее есть. А он обманывает. Попытаюсь еще у кого-то спросить об этом.

А пока из-за страха сделать что-то не так я заулыбался и пошел в отдел монтажеров. К ним хотя бы были нормальные компьютеры, а не как у меня.

– Всем привет. – Но мне никто не ответил, кроме Макси- ма.

– Здорова, Санек! Ты все исправишь?

– В смысле?

Ирина Викторовна сказала, что ты сможешь исправить некоторые “недочеты” нашей работы.

– Я? Она мне такого не говорила. Она даже не сказала, что нужно делать.

– Что ж, ожидаемо. Ладно, мы сейчас на обед сходим и расскажем.

Погодите, но сейчас 9:45 только. Рабочий день начался час назад!

А мы всегда обедаем в это время! Хочешь с нами? Нет, тебя Ирина Викторовна пропустила так рано! Подожди пока нас, мы скоро.

Они вернулись через 2 часа...

Максима не было видно. Заобедался, наверное.

Я решил пока узнать у других монтажеров, не врет ли Максим.

– Михаил, а правда, что Ирина Викторовна выгнала Мак-

сима из кабинета и запретила к ней заходить?

– Не знаю, не слышал такого.

Вот и первый звоночек, ага! Он попался! Скорее всего, и правда соврал. Ну не мог он обсуждать с ней такие архаусные фильмы и пытаться привнести в видео данный стиль.

Михаил продолжил:

– Но ты знаешь, я думаю, тебе стоит у Кристины спросить. Они там тоже что-то вместе создавали, я не в курсе, что именно, но она точно что-то знает.

– Ладно, спасибо! – сказал я, решив уточнить информацию у своей непосредственной начальницы Кристины чуть позже. Сейчас нужно было помочь монтажерам.

– А что делать-то собственно? – спросил я.

– Знаешь, Саш, мы тут сами можем справиться. Просто Ирина Викторовна нас достала! – сказал их руководитель Вадим.

Я не понимал, что происходит, и стало любопытно, как сама Ирина Викторовна может донимать людей.

– Понимаешь, мы все успеваем, просто она лезет в наши дела. А мы не хотим делать то, что в наших инструкциях не прописано!

Ничего себе у них тут бюрократия, – подумал я.

– Например, она говорит: сделай анимированный шар из логотипа фестиваля, пусть он выпадает как старая киноплёнка, и кадры быстро сменяются, как на проекторе.

Он продолжал, и я не смел его перебивать:

– Мы такую фигню сделать можем, мы – профессионалы, понимаешь? Да хоть жидкий металл нарисуем, как в «Терминаторе 2» с Робертом Патриком и Шварцем! Но! Она любит вносить бесконечные правки ради самого процесса редактирования! Правки ради правок! Ёкарный кинотеатр!

Боже, это что, я из будущего? Даже отсылки те же.

Вадим продолжил:

– А я ей говорю: понимаешь, у нас в инструкции нет правок! Нету их! И все! Мы можем сделать пару изменений, но не каждый раз переделывать все заново! Ирина Викторовна-а-а! Что я могу сделать?! Мы так не успеем! У нас уже

сроки горят! Фестиваль на носу, а я не хочу до ночи сидеть с ребятами и монтировать эти ролики! Я домой хочу!

– Да надо ее послать куда подальше, и все! Я вообще не собирался тут ничего монтировать по ее указке, – сказал Валера.

– Но ты ж даже не монтируешь, фильмы просто скачиваешь для фестиваля! – заметил Михаил.

– Вот именно! И не буду! Она мне не указ!

Вадим вздохнул:

– Я не могу ей так прямо сказать! Все-таки она руководитель! Но я сказал, что мы примем пару правочек, чтобы успеть, и все! Ирина Викторовна, извините меня, по-другому никак, у нас помимо фестиваля есть еще и свои обязанности, которые в инструкциях прописаны!

Наверное, он очень хотел это сказать, но не смог, – подумал я, слушая продолжение этого скандального сериала.

– И она мне говорит: “Вадим, а я вам Сашу отправлю, он же тоже монтирует чуть-чуть. Поможет разгрести рутину. Он парень, который быстро соображает и такие же фильмы, как

вы, смотрит. Трансформеры там, Марвел, вот это вот все”.

Не помню, чтобы мы с ней эти блокбастеры обсуждали, наверное. она это для красного словца упомянула.

– ...Я уж спорить не стал – с ней вообще бесполезно разговаривать. Бесполезно! Не могу, пойду прогуляюсь.

Сразу было видно, что его этот вопрос сильно волновал. Даже забыл дать мне задание, но я настоял на своей помощи. Подсев к вернувшемуся Максиму, я решил помочь именно ему, так мы хотя бы могли вместе обсуждать кино и смеяться.

– Максим, ты должен мне рассказать, что не нравится Ирина Викторовне в ваших роликах и как их исправлять вообще, я не знаю.

– Ну, смотри, значит так. Ей не нравится... все. Я, кстати, это записал специально. Я тут недавно, как ты, и мне сказали все записывать. Ирина Викторовна потом будет спрашивать, как будто это домашка.

Он показал мне эти правки, которые так взбесили Вадима.

1. Логотип как свет проектора

Ирина Викторовна заявляет, что логотип фестиваля должен падать, как свет старого кинопроектора – что-то вроде луча, но с плавными переходами. Она утверждает, что это вдохновлено французской новой волной и должно передавать “душевную атмосферу кинотеатра 60-х”. Через некоторое время она отменяет это требование, заявив, что “не хватает винтажного ощущения”, и настаивает на том, чтобы логотип не падал, а плавно “выходил из темноты, как свет фонаря, который постепенно охватывает экран”.

Через час она возвращает исходную правку, но с новым требованием:

“Пусть свет от логотипа будет как в старом кинотеатре, когда проектор не очень хорошо фокусируется, и свет чуть дергается. Именно такой эффект мы и должны получить! Никаких ровных лучей, это будет слишком цифрово!”

Максим усмехнулся:

– Жду, когда она попросит добавить лужу с отражением, как у Тарковского.

Я засмеялся:

– Да ладно, это уже слишком!

Максим:

– Слишком? Тут вчера кто-то спросил, нельзя ли сделать так, чтобы кадры “дышали временем”. Это как вообще?

– Это не заставка, это артхаус. У нее свой метамодерновый проект в голове, а мы тут пытаемся просто ролики сделать.

Максим:

– Это еще не все, читай дальше.

2. Желтые фильтры по мотивам Бергмана

Ирина Викторовна требует, чтобы в некоторых сценах видео были использованы желтые фильтры в стиле фильмов Ингмара Бергмана, якобы чтобы передать “эмоциональную тяжесть и экзистенциальный надрыв”. Она говорит, что это должно быть тонким, но глубоко метафоричным, чтобы зритель почувствовал “погружение в мир сомнений и поиска смысла жизни”.

Когда монтажеры, мучаясь, подбирают фильтры, Ирина Викторовна снова меняет мнение: “Нет, слишком много желтого, это больше напоминает 90-е! Нужно вернуть цветные

акценты в стиле ранних фильмов Бергмана, но они должны быть чуть приглушенными, чтобы создать эффект "многослойности времени".

Максим:

– Это прям как у Бергмана. Ищешь смысл жизни, а находишь только не тот желтый.

3. Правка в стиле "Крестного отца"

Ирина Викторовна, вдохновившись атмосферой фильма «*Крестный отец*», заявила, что в финальном монтаже должны быть сцены, которые отражают атмосферу “семейных ценностей и власти”. Она попросила добавить драматическое освещение, чтобы каждый персонаж выглядел как “мистическая фигура, окруженная светом и тенью”.

– Понимаешь, – сказал Максим, – теперь каждую сцену надо делать, будто там сам Дон Вито Корлеоне раздает приказы.

– Она хоть не просила вставить сцену с лошадиной головой?

Максим ухмыльнулся:

– Пока нет. Но сказала, что логотип фестиваля должен быть символом власти. Может, это только начало.

– Максим, это точно правки для роликов? Для заставок, перебивок, анонсов?

– Ага, только для заставок!

– Мне кажется, мы ее не так поняли. Это явно не ролики, это настоящее киноискусство.

– Ну да. И она все правит. Знаешь, как в армии: не торопись выполнять приказ, его потом все равно отменят. Я так в армии и служил, Санек. Это тоже кино.

– А что делать тогда?

– Вадим пойдет к директору. Он всегда так делает.

– И что, помогает?

– Иногда. Если только они не начнут спорить о “погружении в культурный контекст”.

И в этот момент дверь кабинета резко открылась.

– Ну, как дела, получается? – спросила Ирина Викторовна.

Мы с Максимом обменялись взглядом. Я открыл рот, чтобы ответить, но Максим был быстрее.

– Мы как раз обсуждаем ваш гениальный подход к атмосфере, Ирина Викторовна. Очень вдохновляет.

– Прекрасно, – улыбнулась она. – Надеюсь, логотип действительно передаст дух французской волны и внутреннюю борьбу героев, как у Бергмана.

– Конечно, Ирина Викторовна, как у Тарковского все будет, – кивнул Максим с самым серьезным лицом.

Когда она ушла, я посмотрел на него:

– Ты прямо мастер дипломатии.

– А что остается? – пожал он плечами. – Она же потом спросит, дышат ли кадры временем.

– А они дышат?

Максим так и не ответил – вероятно, его уже полностью поглотили Бергман, Коппола и французская классика. Я же, оставшись в одиночестве с собственными мыслями, размышлял о том, насколько желтый цвет соответствует идее семейного кинофестиваля и как можно помочь Максиму выразить ту самую “власть кадра”.

Хотелось разбавить текст актуальными шутками, но вовремя вспомнил одну истину: интернет-мемы стареют быстрее, чем их успевают понять. А когда их начинают эксплуатировать банки и другие корпорации – это превращается в абсолютный антипод смешного.

Да и мои шутки, честно говоря, не для всех – не слишком смешные, но я же не делаю из этого интернет-мемы. Так что пусть эти 28 бизнесов пишут собственные книги, возможно получится лучше меня!

Глава 5. Из другого мира и тайного космоса

Я пришел на работу, как всегда, немного раньше. Не люблю опаздывать. Приветствую вахтершу.

– Здравствуйте, Светлана Николаевна!

– Привет, Саша! А ты чего так рано приходишь, не спит-ся?

– Да привычка такая, выработалась, рано приходиться. Пока компьютер еще загрузится, 15 минут пройдет – он старый, очень.

– Ага, а как тебе наша начальница?

– Какая? – недоумевал я.

– Та самая! Всеми любимая!

– А, Ирина Викторовна, что ли? Да, хорошо работается с ней, много нового узнаю. Про старое кино и киноязык.. На-

стоящий человек культуры! А что такое, почему спрашиваете?

– Да так, мне кажется, она немного странная.

– О, это в кино норма. Ее любимый режиссер Тарковский тоже считался странным, например.

– Да, знаю, знаю, не первый год работаю здесь. Но таких сотрудников у нас еще не было.

– Вроде она у вас давно работает, нет?

– Давно, но вот я стала замечать за ней кое-что.

– Что же?

– Видела одну передачу недавно, и там все сходится. Есть такие... – она оборачивалась, чтобы никого не было видно. Там более самой Ирины Викторовны.

Я с удивлением смотрел на нее, а она, как бы стесняясь, подхватила:

– Поближе подойди, Саш, а то ОНА или ОНИ услышит.

Я наклонился ближе, и Светлана Николаевна заговорила едва слышным голосом:

– Есть такие... существа... которые могут выглядеть как настоящие люди, но на самом деле не быть ими. Тебе не кажется, что она могла быть одним из них?

Я искренне не понимал, о ком она говорила.

– Кто ОНИ? – спросил я, не скрывая удивления.

– Тише, говорю! – она подалась ближе и прошептала. – Они могут наблюдать, они слушают нас. Ты не замечал, что Ирина Викторовна странно улыбается? И еще носит эти очки...

Я задумался. Да, она часто носила эти черные очки. И что? Я тоже в очках. Блин, а я тогда кто? Как Ларри Дэвид – странный, с юмором и вечно недовольный? Но точно не Гарри Поттер, он уже явно вышел из моды.

– Мои очки тоже на что-то намекают?

– Да тихо ты! – Светлана Николаевна схватила меня за рукав. – Очки нужны, чтобы скрыть истинные зрачки. Или чтобы они не блестели на свету. Вдруг мы заметим какие-то

изменения в ее анатомии...

Мне стало немного не по себе. И тут Светлана Николаевна продолжила, как будто ее теория становилась все серьезнее:

– Ты не замечал, как Ирина Викторовна двигается? Порой ее движения слишком плавные... а взгляд – слишком глубокий. Знаешь, как в фильмах о тайных существах? Вот такие вот люди с холодными глазами, которые могут внезапно выскочить и... нет, ну, ты понял.

Я на мгновение замолчал. Конечно, я пытался придумать, как с этим разобраться, но это все звучало настолько абсурдно и странно, что мне стало... страшно.

– Вы тоже смотрели «Чужие среди нас», где инопланетяне захватили землю и переделались в людей? – спросил я в надежде, что нашел собеседника по вкусу.

– Нет, не видела такого. Я телевизор смотрю, и типтоп. – Она пожал плечами, отмахнувшись от идеи.

– Нет, Саша, пойми! – Светлана Николаевна повысила голос, ее глаза стали на мгновение зловещими. – Ирина Викторовна... – она огляделась, как будто кто-то мог подслушать, и чуть не прошептала, – она... не человек!

Я вскинул брови, готовясь к очередной порции абсурда. Но не успел ничего сказать, как в дверь вошел Валера.

– Кто не человек? – спросил он с ухмылкой, будто знал, о чем речь. – Иришка? Конечно, не человек! Она Дьявол!

– Не черт она, посмотри, рогов же нет, – с недовольством возразила Светлана Николаевна. – А вот глаза указывают на р-е-п-т-и-л-о-и-д-а! – она произнесла это слово с таким выражением, что я на секунду задумался, а вдруг она что-то имеет в виду другое?

Я не мог сдерживать смех. Слушать их было как смотреть какой-то странный фильм.

– Да ну, какой из Ирины Викторовны рептилоид! Она даже не похожа на ящерицу! – воскликнул я, почти рассмеявшись им в лицо.

Валера пожал плечами, будто не понял, в чем проблема.

– Я тебе так скажу. Мне по барабану, рептилоид она, или демон, огненный Ифрит, трахтибидох, анунак или франкмасон! – сказал он, не замечая, как это звучит. – Главное – видеть ее не могу. – Он указал на окно и добавил с хмурым

выражением лица, – Вон она идет.

Мы все замолчали, уставившись в направлении, куда он показывал. Ирина Викторовна действительно шла по двору, на нее никто особо не обращал внимания. Однако мне стало немного не по себе. Я не знал, смеяться ли, или начинать сомневаться в своей адекватности, потому что на фоне этой сумасшедшей дискуссии ее привычное поведение выглядело совсем не таким уж нормальным.

Светлана Николаевна шептала, как будто она была готова раскрыть великий секрет:

– Смотри! На ее шею, на свету! Видишь? Это же... измененная структура кожи!

Я поскорее отвернулся, чувствуя, как меня охватывает легкая паника. Мне действительно не хотелось заикливаться на этом, но подозрения, как иголки, начали подкрадываться ко мне в разум.

Валера, в свою очередь, продолжил:

– Она мне фильм из детства напоминает, *«Люди в черном»* – вот вам и тайные инопланетяне. Ну только, конечно, без мощных пушек и черных костюмов.

Но тут, как нарочно, Ирина Викторовна остановилась перед нами. Глядя на нас, она слегка удивилась, словно ожидая вопрос.

– Всем доброго утра, – произнесла она, и я вдруг заметил, как ее глаза были слишком яркими. Не то чтобы это было что-то уж сверхъестественное, но ощущение, что она что-то прячет, стало усиливаться.

– Доброе утро, Ирина Викторовна! – мы все почти синхронно ответили, а Валера, не теряя свою линию, едва заметно улыбнулся, как будто готов был сказать что-то дерзкое.

Но Ирина Викторовна прошла мимо, не обращая внимания на наши подозрения, и исчезла в кабинете. За ней осталась только легкая тень, которая заставила нас еще пару секунд молчать.

– Вот, видишь, что я тебе говорила? – почти торжествующе произнесла Светлана Николаевна. – Я тебе не зря говорила!

После того как Ирина Викторовна прошла мимо нас, я почувствовал, как странное чувство растет внутри меня. То, о чем говорила Светлана Николаевна, теперь казалось не та-

ким уж нелепым. Я не мог весь день отвести взгляд от Ирины Викторовны, которая, перемещаясь по коридорам, странно поднимала плечи, как будто скрывала что-то под одеждой. На обеде я начал нервно переминаться с ноги на ногу.

– Эй, ты чего? – Валера заметил, что я тоже стал странным.

– Ты видел, как она двигается? Она же как-то... неестественно ходит.

– Бляха муха, надо Максу рассказать, что Иришка теперь у нас НЛО.

– Не знаю... – я наконец выдохнул. – Но я только что заметил. Она... странно моргает. Иногда как будто вообще не мигает, а просто щурится. И ходит как-то, ну, будто не в этом теле.

– А вода, вы видели? ОНА постоянно пьет! – подкралась Светлана Николаевна с интонацией, будто ей это вообще не нравилось. – Знаешь, что это значит? ОНИ же всегда жаждут. Вода – это как энергетический напиток для них! Пьет ее постоянно и без усталости, а кто так будет пить, как не рептилоид?

Я вздохнул, переводя взгляд на Ирину Викторовну, которая стояла возле кулера, наливая себе очередную порцию воды. Теперь, когда я присмотрелся, мне это показалось действительно необычным. Она подходила к кулеру с таким спокойствием, словно процесс питья был ее обязательной частью рабочего дня.

– Что, тоже увидели, наконец?! А я говорила!

– Вы серьезно? – я переспросил с удивлением, ощущая, как начинается легкая паника. – Но как же? Это же просто... ну, может, ее жажда замучала, сейчас летом жарко.

– Может, – ответила Светлана Николаевна, понижая голос до шепота. – Но ты заметил, как она двигается? Как будто она... будто ее мышцы не могут расслабиться нормально. Она как будто прокачивает каждый шаг... Смотри на ее руки! У нее пальцы... ну, они как-то слишком длинные! Неужели ты не заметил?

Я застыл, прижав руку к глазам, будто пытался избавиться от мысли, которая, как паранойя, все больше затмевала мою реальность. Действительно, ее движения стали еще более странными. Пальцы ее рук вытягивались немного длиннее обычного, когда она брала воду из кулера. И каждый ее шаг был настолько четким, что это даже казалось неесте-

ственным.

– Да не, не может она быть рептилоидом! Вы все точно придумали, Светлана Николаевна!

Но не успел я сказать больше, как Валера, словно по инерции, начал что-то шептать:

– Ексель-моксель, а ведь ты права. Я как-то тоже заметил. Смотрю! А эт не просто какая-то там фигня. Я ведь видел, как она недавно по коридору шла... Не заметил, что когда она с кем-то разговаривает, ее глаза как будто немного подсвечиваются? Ну, не настоящие глаза, а как бы... у нее как будто слои глаз! Ты видел?

– Я уже не знаю, что я видел, но такой насмотренностью я обладать не хотел.

После того как все случилось, в голове осталась тяжелая, мутная тишина. Все вокруг казалось смазанным, а мои мысли как будто плавали в густом мареве. Я как-то невольно заметил, что уже второй день подряд пью воду – много воды. Чистую, свежую, с хрустящими пузырьками, которая мгновенно испаряется, будто организм жаждал ее целую вечность. Неужели я рептилоид? Наглотался воды, как змея на жаре? Вот теперь еще лягушкой-квакушкой или палтусом

стану.

Не могу сказать, что задумывался о причинах. Казалось, так и должно быть. Вода, как нечто необходимое и естественное, с каждым глотком наполняет меня, но с каждым же разом чувство жажды только усиливается. Я снова в офисе, смотрю на Ирину Викторовну, которая сидит за своим столом, перебирает какие-то бумаги. Ага, она снова пьет кофе. Почему она всегда пьет? Это что, какой-то новый секретный тренд? Ребята, давайте пить больше воды, чтобы стать рыболюдьми!

И вот тут мне приходит осознание. Минутку! – как будто что-то щелкнуло в мозгу. Это как в «*Тени над Иннсмутом*»! Рыболюди, которые постоянно пьют воду, а потом начинаются всякие странные вещи. Я что, тоже начал превращаться в одного из них? Могу ли я вскоре поехать на рыболовную базу, чтобы покопаться в водорослях и получить скидку на ловлю сомов? Почему мне так захотелось петь песенку о *Великом Водном Мире*, сидя в своем офисе?

Я посмотрел на Ирину Викторовну, которая неустанно пьет, как будто она в этом что-то понимает. Я, конечно, собирался задать ей вопрос: "А у Вас, случайно, есть секретный рецепт превращения в рыболюдей?" – но что-то внутри меня напряглось. Я налил себе еще один стакан воды и начал

потихоньку ощущать, что с каждым глотком, как в какой-то комедийной сказке, я становлюсь кем-то иным. В следующий раз я, наверное, начну искать морского конька в своем шкафу, чтобы не чувствовать себя одиноким.

Кажется, в воду что-то добавили! Она вызывает только еще большую жажду. Солей насыпали? Я заметил, что один из сотрудников пьет, как мне казалось, слишком много.

А вдруг, вода делает нас рептилоидами? Точно, это было очевидно! Надо бросать пить!

Выйдя на улицу подышать, я встретил Максима.

– Я слышал, что ИВшку раскрыли! Я позвонил охотникам за привидениями!

– Им-то зачем? Она не призрак и не лизун, а рептилоид! И, возможно, я тоже становлюсь рептилоидом... или даже рыболюдом.

– Фига ты даешь! А это освобождает от участия в фестивале? Тогда и я буду Акваменом!

– Ага, иди воды попей! И никаких монтажных склеек! Только дно и танцы рыб.

Пока я размышлял о том, как писать релизы плавниками, Светлана Николаевна, сидя на вахте, продолжала свою любимую тему про рептилоидов:

– Нет, ну вы видели? Моргание... вода... Она что-то скрывает. Я же говорила!

Именно так, наверное, рождаются настоящие мифы. Или это все правда?

В этот момент вернулся Максим, держа в руках старую потрепанную газету.

– Смотри, что покажу, – сказал он с азартом.

Я взглянул на заголовок:

“Как я встретил вашу инопланетянишу. Загадочная история деревни...”

– погоди, это про тебя, Максим? – удивился я.

– Да, – кивнул он, усмехаясь. – Я сам испытал опыт из “Секретных материалов”. Знаешь, истина где-то там.

– Когда это было?

– В детстве, – начал Максим. – Нам тогда почудилось, что мы видели что-то странное. Зеленый человек... или, может, он был в желтом?

– И что? Он пил воду? – подколот я.

– Кто его знает, – пожал он плечами. – Мы маленькие были. Но все нам поверили. Даже журналисты приезжали, и вся деревня отправилась искать инопланетян.

– И нашли?

– К сожалению, нет. Но я до сих пор надеюсь.

– Это же было недалеко отсюда, да? – спросил я. – Вдруг они и правда среди нас?

Максим улыбнулся.

– Возможно, все. Давай искать вместе?

Глядя на эту газету и слушая Максима, я вдруг ощутил странное сомнение: а может, эти новости о загадочных жителях деревень – не вымысел? Может, и мне стоит попробовать их приставки?

А теперь начинается то, ради чего я и написал эту книгу. Настоящая сумасшедшая арка! Не говорите, что я вас не предупреждал! То, что последует, – не для слабонервных! Если бы я снимал фильмы, это, вероятно, выглядело бы именно так.

Глава 6. Киногид занудных ботанов, увлекающихся античностью

Я толкнул дверь кабинета Ирины Викторовны и тут же ощутил, будто попал в музей античности, смешанный с кинозалом. На ее столе лежали книги о мифах Древней Греции, DVD с фильмом «Спартак», распечатанные кадры старых лент. Все это выглядело так пафосно и немного театрально, что я невольно напрягся.

– Садитесь, – сказала она торжественным голосом, указав на стул перед собой. – Это серьезный разговор.

Я осторожно опустился на край стула:

– Конечно, Ирина Викторовна.

Она выдержала эффектную паузу, прежде чем торжественно заявить:

– Нам нужно кардинально перестроить нашу базу данных кинозвезд.

Я моргнул, пытаясь осознать услышанное:

– Простите, как?

Ирина Викторовна вдохновенно продолжила, словно уже репетировала эту речь перед зеркалом:

– Каждую кинозвезду мы классифицируем по архетипам из древнегреческих мифов. Вот, например, Джордж Клуни. Очевидно – Зевс. Величие, харизма, молнии обаяния!

– А Киану Ривз? – вырвалось у меня, хотя я все еще не понимал, к чему она клонит.

Она, не раздумывая, выдала:

– Гефест. Скромный, молчаливый, но творец. “Матрица”? Это же чистое ремесло богов!

Я изо всех сил старался понять ее логику:

– Но... зачем?

Ирина Викторовна подняла взгляд к потолку, словно черпая вдохновение из воздуха, и после долгой паузы сказала:

– Когда я была маленькой, мама повела меня на фильм “Спартак”. Это был черно-белый кинозал. Люди в античных туниках сражались за свободу. Я тогда впервые почувствовала, что мир можно упорядочить. Четкие роли, идеалы, героизм!

Она сделала паузу, чуть склонив голову, а потом продолжила:

– С тех пор я поняла, что кино – это не просто развлечение. Это идеология.

Я попытался подобрать слова:

– И теперь... мы упорядочим кинозвезд?

Ирина Викторовна посмотрела на меня с энтузиазмом, которого я давно не видел у нее в глазах:

– Да! Представьте: Том Круз – Гермес. Быстрый, ловкий, везде успевает. Хью Джекман – Арес, воинственный, брутальный, “Логан”! Одри Хепберн – Афина, олицетворение мудрости и стиля.

– А Дженнифер Лоуренс? – рискнул я спросить, чувствуя,

как меня засасывает в ее безумие.

Ирина Викторовна задумалась. Это был первый раз за весь разговор, когда ее энтузиазм слегка поугас.

– Вот тут сложнее... Возможно, Артемида? Независимая, воительница... Хотя нет. Подумайте об этом.

И именно в этот момент я понял. Все ее поведение – это попытка восстановить некий идеальный порядок, вдохновленный детским впечатлением от фильма. Поэтому она требует, чтобы пресс-релизы были «эпическими», а отчеты подписывались фразами вроде “Я – Спартак”. Теперь это даже казалось... милым.

Но как я объясню коллегам, что теперь мы будем классифицировать актеров как богов Олимпа.

Кабинет Ирины Викторовны преобразился. Стол утопает под горами книг по мифологии, распечатками с кадрами фильмов, схемами, маркерами и кружками с недопитым кофе. На доске раскинулась хаотичная, но при этом грандиозная система: «ДиКаприо – Прометей, до "Оскара" – Сизиф», «Кейдж – Пан», «Питт и Джоли – Троянская война», «Рассел Кроу – Геракл». Все выглядит как заговор, достойный иллюминатов, но с оттенком богемной креативности.

Я стою с маркером в руке, словно на пороге гениального озарения:

– Ирина Викторовна, если ДиКаприо после "Оскара" – это наш Прометей, то почему Николас Кейдж – просто Пан? У него ведь тоже есть драматические роли, "Свинья", например... Хотя, подождите... Может быть, он Дедал? Постоянно что-то строит, а потом все летит к черту!

Ирина Викторовна оживает, как будто только что услышала самую важную мысль в своей жизни:

– Точно! Кейдж – Дедал! Все время изобретает какие-то проекты, а потом они разваливаются, как «*Призрачный гонщик 2*»! Запиши, это прекрасно!

Я делаю пометку на доске. В этот момент в кабинет заходит Вакулина – бодрая, с неизменной улыбкой и кружкой свежего кофе.

– Доброе утро, коллеги! – радостно приветствует она нас, но ее взгляд тут же цепляется за доску. Улыбка медленно сменяется выражением искреннего недоумения.

– Эээ... А что это вы здесь устроили? Новый фестиваль?

“Фестиваль Спартака”? – наконец решается она уточнить.

Ирина Викторовна, не отрываясь от книги по мифам, торжественно поднимает голову:

– Мы создаем античную базу данных звезд. Инновационный подход к систематизации кинематографа через архетипы! Это настоящая революция в мире PR!

Вакулина осторожно делает глоток кофе, явно пытаясь разобраться, шутим мы или все это всерьез.

– Эм... понятно, – говорит она, задумчиво изучая доску. – А почему Брэд Питт подписан как Ахиллес?

Я закатываю глаза, явно устав от столь очевидных вопросов:

– Ну, он же снимался в «Трое»! Да и вообще, герой: успешный, но с трагическим финалом. Все логично!

Ирина Викторовна кивает, подтверждая мою мысль:

– Вот именно! Это символическая связь, Вакулина! Стыдно не знать!

Вакулина переводит взгляд с доски на нас. Она по-прежнему сомневается, шутка ли все это, но решает подыграть, чтобы не разрушить эту... мифологическую гармонию.

Вакулина прищуривается, оглядывая нашу сумасшедшую доску.

– Ну тогда... Мерил Стрип... это... Гидра?

Мы с Ириной Викторовной переглядываемся. Тишина. Напряжение растет.

Ирина Викторовна неожиданно хлопает ладонью по столу:

– ГЕНИАЛЬНО!

Я на мгновение задумался, стоит ли добавить, что она сама немного похожа на Мерил Стрип. Но решил придерживаться концепции:

– Да-да! Каждый раз, когда кажется, что она уже снялась в своей лучшей роли, появляется новая! Чем больше фильмов – тем больше легендарных образов!

Ирина Викторовна, сияя от восторга, торжественно заявляет:

– Абсолютная актерская многоголовость! Гидра Голливуда! Записывай!

С энтузиазмом добавляю “Мерил Стрип – Гидра” на доску. Вакулина, все еще думая, что это розыгрыш, на секунду задумывается, потом неуверенно продолжает:

– Эм... Ну тогда... Том Харди – это... Цербер?

Мы с Ириной Викторовной замерли, переваривая услышанное

– Почему? – одновременно спросили мы, чуть наклонив головы.

Вакулина делает шаг вперед и уверенно объясняет:

– Ну... *«Темный рыцарь»*, *«Безумный Макс»*, *«Веном»*... он всегда такой... многоликий, мрачный, с двойным дном!

Ирина Викторовна хлопает в ладоши:

– Великолепно! Это не просто база данных. Это... Пантеон Голливуда!

Я, уже погруженный в вихрь безумных идей, с фанатичным блеском в глазах добавляю:

– А что, если... если мы начнем соотносить не только образы, но и биографии звезд с мифами?

Ирина Викторовна мгновенно подхватывает мысль:

– Да! Да! ДиКаприо был Сизифом, получал номинации на “Оскар”, но все никак не мог довести дело до конца, а потом стал Прометеем, когда наконец добыл... огонь признания!

Я киваю, мозг уже лихорадочно перебирает ассоциации:

– А Джек Николсон – это Посейдон! Его вечная холодная харизма – как океан!

Вакулина осматривает доску с интересом:

– А Кристофер Ли?..

Я отвечаю не раздумывая:

– Хронос! Вечное присутствие во всех эпохах кино, его голос – как грохот времени!

Ирина Викторовна делает шаг назад, любуясь доской, где хаотично пересекаются имена, стрелки и подписи. Она словно озвучивает лозунг нового проекта:

– Это не просто концепция. Это Эпос Современности!

Пауза. Все смотрят друг на друга, не веря, что доска заполняется мифологическими аналогиями с такой стремительностью. Смех стихает, а на стенах висят гигантские древнегреческие фигуры и их осмысленные, но все более запутанные интерпретации

Ирина Викторовна, как мудрая жрица, наполняет воздух своей уверенностью:

– Нам нужен свежий взгляд! Давайте позовем кого-то, чтобы он проверил, все ли правильно расписано. Я, конечно, не сомневаюсь в этом... – она прищуривается и бросает взгляд на Вакулину, – но пусть люди тоже подумают. Одна голова хорошо, а Лернейская гидра... о, это совсем другое дело!

Вакулина, не выдержав паузы, подпрыгивает с таким восторгом, что кажется, будто она только что открыла философский камень:

– Ирина Викторовна! Господи, как Вы правы!

Кабинет напоминает музей: атмосфера напряженная, а доска с легендами стала мозаикой мифов и метафор, как карта Голливуда, только вместо звезд – боги и титаны. На столе, покрытом книгами по мифологии, лежат детали сценария, которые никто точно не понимает. Теперь это не просто работа, а настоящий квест по лабиринту исторических аллюзий. В кабинет зашла руководительница Вакулиной.

Ирина Павловна, заикаясь от важности сказанного, раздувает щеки:

– У меня сын мифологию в пятом классе проходит... А вы что устроили?

Пауза. Мы с Ириной Викторовной переглядываемся, и в глазах мелькает что-то вроде "а что дальше?"

Ирина Павловна кидает строгий взгляд на Вакулину, словно на ученицу, нарушившую все законы логики:

– Ирина Викторовна, вы чего это моих сотрудников эксплуатируете? Вакулина вчера полдня сидела. Еще и Сашу взяли! Вы же знаете, он у нас – великий фантазер! Он вам сейчас такое начудит! Скажет, что французская новая волна

– это экранизация «Калигулы».

Я, не отрывая глаз от блокнота, без тени смущения отвечаю:

– Мне, если честно, больше «Я, Клавдий» понравился...

Ирина Павловна, не выдержав, закатывает глаза, а Ирина Викторовна вдруг оживляется, как если бы я только что разгадал загадку всей Вселенной с восторгом, как шаман, который готов начать ритуал:

– Вот поэтому я тебя и позвала! Твой подход к историческим аллюзиям – это то, что нам нужно! Записывай, Саш, запиши, мне нравится эта идея!

Я, поддакивая, сразу достаю блокнот и начинаю писать, но с явным сомнением в глазах:

– А почему именно? Французская новая волна – это Калигула, потому что... много пафоса? Очень цепляет, слишком гротескно?

Ирина Павловна хлопает по столу, как будто я только что нарушил святой закон:

– Не пишите ничего! Я пошутила!

Но Ирина Викторовна уже на своей волне, как старый римский император, не обращая внимания на реалии:

– Записывай, записывай! И еще! Коммод – это Коппола! Мы забыли классификацию режиссеров! Надо добавить Римскую империю в нашу мифологию! Ведь режиссер, он как царь, как император кино!

Я, иронично улыбаясь, словно я тоже в этом мифе:

– Да-да, Ирина Викторовна! Прямо как вы! Ой... То есть, я не это хотел сказать... Просто аналогия такая...

Пауза. Все замолкают. Я быстро пытаюсь спрятать лицо за блокнотом, но Ирина Викторовна, как истинный скромный правитель, с гордостью кивает и говорит:

– Нет-нет, ты все правильно говоришь. Я – руководитель, моя роль схожа. Это объективно так!

Вакулина, заметив, что ситуация рискует стать слишком пафосной, решает разрядить обстановку:

– Девочки, мальчики... Может, чайку? Я конфеты при-

несла. Кто хочет?

Все, даже Ирина Павловна, облегченно выдыхают, и кабинет наполняется ароматом чая, но доска с мифологическими схемами стоит, как памятник безумному творческому хаосу.

Я решаю, что нужно пересмотреть «Спартак», чтобы вдохновиться и быть как Ирина Викторовна, и отступаю к себе в кабинет. Вдруг ко мне подходит Максим, с улыбкой, полной загадки.

Максим, словно сдав экзамен по философии:

– Ты че, Санек, сидишь тут? Что смотришь?

– «Спартак».

Максим, со смехом в глазах:

– Футбол?

– Нет, фильм про восстание гладиатора Спартак. Точнее неизвестно, кем он был на самом деле, но...

Максим смеется, как человек, который понимал ситуацию:

– А, Ирина Викторовна домашку задала?

– Нет, при чем тут это? – отвечаю, слегка удивленно.

– Пошли на обед, – предлагает Максим, не давая мне времени на раздумья.

– Одержимость монтажеров обедами меня просто умиляет, – отвечаю я, продолжая иронизировать. – Говорят, они на обедах только и обсуждают Ирину Викторовну.

Максим смеется, но я продолжаю:

– Не, я поел уже. Ты иди, а мне еще режиссера надо посмотреть.

Проходит Валера, услышав нашу болтовню, и останавливается, готовый поделиться свежими инсайтами

– Максим, ты идешь? Я тебе щас такое расскажу! Ты слышал, что там учудила Иришка?

– Римская Империя в полном разгаре! – Валера развел руками, как величественную статую. – Посмотри, киноОлимп какой! А Саню заставила «Спартака» смотреть!

Я с улыбкой отвечаю:

– Да нет, я сам хотел. Не заставляла меня, – с иронией добавляю, – просто решил попробовать, каково это быть гладиатором на полях киноарен!

Валера подмигивает, а Максим, смеясь, хлопает меня по плечу. Ситуация немного разряжается, но я все равно продолжаю думать о том, как Ирина Викторовна в своем стиле захватила весь процесс, будто она – настоящий Император! А точнее Императрица!

Глава 7. Собрание, где решаются судьбы мира сего

Ирина Викторовна неспешно вышла в центр зала, как Остап Бендер, которому не нужно было никуда спешить, ведь каждый ее шаг был победой. Она остановилась, резко развернулась, и, скрестив руки на груди, начала проговаривать:

– Други мои, если бы вы только знали, как я горжусь тем, что сегодня мы здесь, и как скоро мы покорим этот фестиваль, словно античные герои! Но помните, как говорил сам Аристотель: "Тот, кто не рискует, тот не пьет шампанское!" А мы не просто пьем шампанское, мы будем строить целый олимпийский дворец!

Максим повернулся ко мне и спросил:

– Аристотель реально такое сказал?

– Не знаю, не успел дочитать «Спартака».

Ирина Викторовна не обращала внимания на нас, продол-

жая свой ход по залу, будто сцена – это ее родная территория. Она обвела всех взглядом, наслаждаясь собственной значимостью, и продолжила, не сбавляя темпа:

– Да, да! Мы не просто будем пить шампанское, мы превзойдем всех, кто когда-либо пытался быть великими! Взгляните на этот зал, это – наш Колизей! Я вижу здесь только богов и героев! Мы создадим нечто, чего мир не видел!

В этот момент Валера с угрожающим выражением лица наклонился ко мне и тихо заметил:

– Саня, зачем ты ее укусил? Она сейчас вспомнит про твоё червие в песке, и все! Ну-ка, объясни!

Я, не изменив серьезного выражения, ответил:

– Не вспомнит. Я ей не нравлюсь, и «Дюна» ей тоже не зашла.

Максим, как всегда, не упустил шанса подлить масла в огонь:

– А еще и «Зеленый слоник» не нравится.

– Тебе бы список завести! – воодушевился я.

– Оставил его в кабинете, – не растерялся Максим.

Кристина, тяжело вздохнув, повернулась к Максиму и резко произнесла:

– Максим, замолчи! Не беси меня! Ты вообще не нужен здесь со своими вопросами! Я тебя щас ударю, понял?!

Ирина Викторовна резко обернулась, ее лицо стало еще более торжественным, а голос приобрел нотки драматизма:

– Так, слушайте все! – Ирина Викторовна сделала паузу, позволяя своим словам повиснуть в воздухе. – Мне нужно завершить редактирование "телеграфно шизофренического сценария", который, как я знаю, каждый из вас, хитроумные мои, многобыстрые коллеги, с нетерпением ожидает! Эта работа у меня в голове давно крутится, но у меня есть для вас сюрприз. Я тут, знаете ли, пророчествую! Я вам всем решила дать роли, как в античности. Это своего рода план работы, и вы будете ему следовать.

Она сделала театральную паузу, оглядывая каждого из нас, как будто оценивала, кто достоин играть в ее великом спектакле. Затем ее взгляд остановился на Дмитрие, и она улыбнулась с легкой иронией:

– Кто будет встречать гостей фестиваля? Кристина, на-
помни мне!

Кристина, нервно подбирая слова, растерянно ответила:

– Да, Ирина Викторовна! В прошлый раз водители их
встречали на вокзале и еще наш айтишник Дима.

Ирина Викторовна кивнула, не замечая, что Дмитрий пы-
тается спрятаться за подушкой от стола. И тут она, повер-
нувшись к нему с необычайным энтузиазмом, сказала:

– Вот, первый герой, Дмитрий! Спасибо, что согласился
стать для нас Ариадной и проложить путеводную нить от
вокзала в отель для приезжих звезд кино, гостей и участни-
ков фестиваля.

Дима, не сдержавшись, пробормотал:

– Я не соглашался...

Ирина Викторовна игнорирует его, как будто не слышала,
и продолжает свой путь по залу, будто все происходящее –
ее спектакль, где каждый персонаж выполняет свою роль.

Она развернулась и, оглядывая остальных, продолжила:

– Вот мои девочки, – она указала на сотрудников отдела кинопроката. – Вы будете самыми яркими и прекрасными нимфами, музами или, может быть, даже дриадами. Ваши подвиги – встречать гостей и помогать им с размещением в отелях. Чем не героическая миссия?

Сотрудницы отдела, сдерживая улыбки, согласно кивают, но их взгляд выдает едва сдерживаемое недовольство.

Ирина Викторовна продолжала свою эпическую речь, не обращая внимания на нелепые протесты. Она шагала по залу, не торопясь, и все мы, похоже, оказались персонажами ее грандиозного спектакля, где каждый из нас был не столько участником, сколько "вспомогательным материалом" для ее вселенской идеи.

Так, гостей встретили, накормили, напоили, спать уложили. Кристина, что там дальше?

Кристина:

– Далее у нас день первый – открытие фестиваля!

Ирина Викторовна:

– О, хо-хо, сложный день. Мне надо договориться с театральщиками, чтобы они организовали своих студентов для выступления, сегодня поеду в театр.

– Кто отвечает за открытие?

Кристина:

– Мы все отвечаем, вся команда фестиваля...

Ирина Викторовна перебивает:

– Правильно! И я решила как самую опытную сотрудницу, которая все про всех знает, сделать ответственной по этому направлению Ольгу! Она будет нашей хранительницей очага в кинотеатре, нашей Герой, только не становитесь ее Завесами, и тем более любовницами, они плохо заканчивали! Ведите себя хорошо и прилично!

Я, пытаюсь всех просветить:

– Кажется, эту отсылку никто не понял...

Ольга:

– Хорошо, Ирина Викторовна!

Ирина Викторовна продолжает:

– Что дальше, Кристина?

Кристина:

– Первый день – открытие, приводим гостей в зал. Ведущий ведет программу по вашему сценарию, его пока не нашли.

Ирина Викторовна:

– Как не нашли?!

Кристина:

– Работаем над этим вопросом... Сегодня поеду в центр, чтобы поговорить с одним кандидатом.

Ирина Викторовна:

– А, хорошо, хорошо, ты меня не пугай, хи-хи.

Кристина:

– На открытии показывают ролики...

Я к монтажерам шепотом:

– Те самые с желтыми фильтрами Бергмана и доном Карлионе?

Молча кивают.

Ирина Викторовна:

– Так, ролики готовы, Вадим?

Вадим:

– Да, готовы, но есть момент один – уточнить хотел...

Ирина Викторовна:

– Да, Вадим! Я слушаю.

Вадим:

– Мы хотели уточнить, мы там целый день будем на фестивале, с утра до ночи, как нам обедать? Этот вопрос очень

важен и волнует нас! Между прочим, без обеда нельзя работать по регламенту...

Ирина Викторовна раздраженно:

– Да подожди ты, Вадим, какой обед? Я вон вчера каталась на съемки сериала и не ела целый день, только в 22:00 позавтракала первый раз. Вы что, потерпеть не можете? Уйдут гости после открытия, поужинаете спокойно по очереди.

Ирина Викторовна задумалась.

– Есть вы любите? Так вот, я нарекаю вас, монтажеров и техническую команду, моими Дионисами! Дионисийцами, если угодно! Но вино я вам пить не дам. Это после фестиваля!

– Ирина Викторовна, можно вопрос? А к чему эти греческие мужчины и женщины? Я не совсем понимаю, к чему это все... Это часть фестиваля? Я думал, тема фестиваля – семья. Хотя у вас были правки про дону Карлионе, но там же мафиозная семья – немного не то... Все такие... Ну, не знаю. Я не понял, к чему здесь шутки про Древнюю Грецию, если их боги известны своими странными родственными узами...

Это спросил тот самый сотрудник методического отдела

Илья. Максим закрыл лицо руками, ожидая апокалипсиса прямо сейчас.

Ирина Викторовна:

– Рад, что ты спросил, Илья! Вот такие нам и нужны вопросы на фестивале, правильно! Ты как Сократ, задаешь кучу вопросов, и некоторые из них не имеют ответа! Будешь помогать Диме встречать гостей и общаться с ними! Заблуждай их

Пока мы развлекаемся, ты поможешь нам греками и древними богами!

Илья, явно не понимая до конца, с уважением кивает.

Наверное, про меня забыли. Ну и хорошо, не хочу быть в греческой трагедии.

– О, а Сашу забыли! Кристина, я придумала для него роль Геракла. Будет совершать 12 подвигов для фестиваля и сопровождать важных звездных гостей на площадке арт-марафона вместе с тобой. Хотя, скорее всего, ты мне самой понадобишься, так что он, вероятно, будет один.

– Вообще-то, подвигов было 10, просто 2 Гераклу не за-

считали. А 10 – число сакральное, кстати.

– Вот, запиши это! С этого и начнешь разговор с режиссером. Вдруг он Геракла будет снимать? Почему бы и нет? А еще, я только что заметила: у тебя же сегодня футболка с Гераклом! Смотри, там бородатый мужчина разрывает Немейского Льва. Это знак!

– Это вообще-то не Геракл, а Самсон. Он тоже льва победил, конечно, но...

– Да какая разница, кто! Похожие же! Одна история про силача-полубога, другая... Ну, ты понял. Я отсюда даже не вижу, кто у тебя там. Просто сейчас не в настроении для библейских отсылок. Я так вижу: ты – Геракл! Победишь любого льва, хоть Самсонова. И будешь охранять наших приглашенных артистов от местных опасностей!

Вакулина появляется с хитрой улыбкой:

– А вот у Ирины Викторовны какая роль, интересно?

– А знаешь, я ведь правда как режиссер. Все организую, продумываю, направляю... Это даже важнее, чем просто роль. Я ведь веду спектакль, целый фестиваль!

– О, кстати! Максим мне говорил, что вы ему так и сказали: “Я режиссер, а ты меня не слушаешься! А режиссера надо уважать...”

Или уважить? Главное, чтоб не увлажнить.

Максим недовольно покачал головой, расстроился, что я его сдал.

Ирина Викторовна сконцентрировавшись на основной идее, а не Максиме:

– Вот именно! Режиссера нужно уважать!

Вакулина усмехается:

– Прямо как в мифах... Дары нести главному лицу! Как в жизни! Хотя кто у нас там главный режиссер? Гера? Зевс?

Я вспоминаю:

– Гера и Зевс слишком банально. Тем более они частично уже есть. А если кто-то, кто именно направляет, вдохновляет, ведет за собой... Может, Афина? Она же и мудрая, и стратег.

Ирина Викторовна одобрительно кивает:

– О, Афина мне нравится! Ведет, наставляет, а еще – воительница духа. Прямо про меня!

Валера тихо обращается к Максиму:

– Максим, а где ты услышал, что я ее так режиссером называю?

– Как, как?

– Ирина Тарантина.

Звучит неплохо. Я вдруг подумал, что она действительно напоминала мне режиссера. Возможно, как Тарантино. Какой бы она сняла фильм? Пилат против Иисуса? Нет, я видел такую пародию. Тогда, «*Киношное Чтиво*» или лучше «*Фильмовые Псы*»: Она иногда так говорила на французский манер: “ФильМА”, с ударением на последний слог. Не уверен, что это по-французски, но мне сказали коллеги, что Ирина Викторовна очень уважала вклад Франции в мир киноискусства.

Так вот, Тарантино! Какие бы она сделала диалоги?

“А ты знаешь, как бургеры называют во Франции?”

Сцена: мрачная подсобка, лампа мигнула раз, второй, потом вспыхнула синим, как в ночном клубе, но вместо музыки слышно, как кто-то за кадром жуёт чипсы. В центре два актера. Один в античной тоге, другой – в кимоно с надписью “Геракл, но не точно”. На столе – трофей: золотой микрофон, связанный проводами, как добыча.

Первый актер зевая, поправляет тогу:

– Ты вообще в курсе, почему Гераклу засчитали 12 подвигов, а не 10?

Второй актер откусив чипсину, многозначительно:

– Потому что он два раза перезаписывал сцену с Немейским Львом. Не подходил грим!

В этот момент дверь выносит с ноги Ирина Викторовна в плаще. С ней кто-то в маске кабана. Она с ходу бросает на стол стопку сценариев.

Ирина Викторовна:

– Так, где мои мифологические чудовища? Кто у меня тут

играет Гидру?

Первый актер поднимает руку:

– Я, но у меня только три головы...

Ирина Викторовна:

– Что? Мало? Добавьте два тромбона и обмотайте его гирляндой! Публика должна почувствовать трагедию, понимаешь? ТРА-ГЕ-ДИ-Ю!

Второй актер:

– Ээ... а можно мне роль попроще? Типа... второе дерево слева?

Ирина Викторовна в упор, медленно:

– Дерево? ТЫ. ГЕРАКЛ! Деревья не носят кимоно с твоим именем. Ты либо исполняешь подвиг, либо валишь.

Тут включается драматичная музыка, как в старых вестернах. Кто-то за кадром кашляет, звучит плеск воды – это, оказывается, на заднем плане пытаются сделать фонтан для сцены с Аидом.

Ирина Викторовна в сторону, мечтательно:

– Я ведь, по сути, режиссер. Как этот... как Тарантино. Только у него кровища, а у меня – античка. Эстетика. Душа.

Первый актер:

– Ну... душа – это сильно сказано. У нас Геракл с гирляндой и человек-саксофон вместо Кентавра.

Ирина Викторовна:

– Саксофон? А ну-ка сыграй что-нибудь трагическое!

Звук саксофона. Очень грустный, но потом случайно скатывается в мелодию из «Титаника».

Ирина Викторовна:

– Вот! Вот это кино! Все, все на площадку. Камера, мотор, античная драма!

Я встряхнулся. Нет, ну а что? Может, это даже срабатывает. Учитывая, что она реально вчера называла Максима “мифологическим активом”. Но нет, это будет слишком комплекс-

НО ВСЕ.

А если сделать более прямые отсылки?

Темный зал. Одинокий стол в центре. Два актера в костюмах тоги сидят напротив друг друга. На столе – странный реквизит: амфора, золотое яблоко и... гранат, разломленный пополам, зерна рассыпались по столу. Входит Ирина Викторовна, взгляд – как у генерала перед битвой.

Ирина Викторовна с расстановкой:

– Ты знаешь, как во Франции называют подвиг Геракла с Немейским Львом?

Первый актер озадаченно:

– Э... Подвиг?

Ирина Викторовна наклоняясь вперед:

– Le grand lion. Большой лев, понимаешь? А знаешь, почему?

Второй актер шепчет:

– Это точно по-французски?..

Ирина Викторовна резко:

– Ты что, мне не доверяешь?

Пауза. Слышен звук, будто кто-то медленно натирает амфору. Второй актер начинает нервно перебирать зерна граната.

Первый актер:

– Простите... а гранат зачем?

Ирина Викторовна вдохновенно:

– Это символ! Гранат – кровь, страсть, искушение... Гранат – это Персефона, понимаешь? Сок граната – как ее слезы, капли судьбы, цепи Аида!

Первый актер:

– Но... это сцена с Гераклом?

Ирина Викторовна торжественно:

– Геракл – это метафора, понимаешь? Это ты! Все это – ты! Лев, гранат, даже амфора – все в тебе! Теперь... Встань!

Первый актер встает, явно растерянный.

Ирина Викторовна театральным шепотом:

– Повтори за мной... "Я Геракл. И я знаю, что произошло с Немейским Львом".

Первый актер:

– Я Геракл. И я...

Ирина Викторовна:

– ГРОМЧЕ! Как будто ты прошел через двенадцать подвигов, а теперь тебя заставляют искать нормальный реквизит в арт-марафоне!

Первый актер громче, уже с чувством:

– Я Геракл! И я знаю, что произошло с Немейским Львом!

Ирина Викторовна:

– Вот! Вот оно! А теперь... Гранат.

Первый актер:

– В смысле?

Ирина Викторовна зловеще:

– Возьми его... и раздави.

Первый актер в нерешительности берет гранат. Сок брызжет на стол. Второй актер вздрагивает.

Ирина Викторовна с улыбкой:

– Видишь? КатАрсис. Артхаус. Символизм. Ты чувствуешь?

Второй актер:

– Эм... а можно просто победить льва?

Ирина Викторовна вставая и направляясь к двери:

– Мы тут кино делаем, а не цирковое представление! Все! Снято! Следующий дубль – Геракл и Лернейская гидра. Где

у нас шланги?

Я встряхнулся. Хотя... может, оно реально сработало бы? Гранат, амфоры... какой-то артхаусный Тарантино. Но теперь я понимаю, почему Максим сказал, что “режиссера надо уважать”. Хотя бы за гранат.

Я вернулся мысленно на собрание по подготовке к фестивалю – он же конкурс, он же восхождение на Олимп, а если верить Ирине Викторовне, то еще и карьерная лестница в мир античности. Если честно, эти посиделки начинали утомлять. Шел второй час бесконечного обсуждения того, как каждый работник, даже тот же HR-менеджер, будет превращаться в древнегреческого героя, распахивая туники и развевая плащи. Смотрели на все это как на великое таинство, где даже кулеры с водой должны быть украшены лавровыми венками, чтобы соблюсти стилистику.

Действительно, были задействованы все, кроме отдела бухгалтерии. Ирина Викторовна каждый раз вежливо просила их “войти в Пантеон”, влиться в киноискусство героических сюжетов. Но бухгалтерия почему-то отказывалась. Не их Пантеон, мол. Что ж, понимаю, не каждый готов стать Зевсом. Хотя, если подумать, Ирина Викторовна могла бы дать им роль Архимеда! Учитывая их привычку считать все и вся, у них бы точно получилось вычислить идеальный угол

для вспышки молний и скорости вращения колесницы!

Кстати, напишите мне, где купить футболку с Гераклом.

Глава 8. Сфинкс Викторовна и черный куб магии пиара

На следующий день я решил все-таки выяснить у Кристины, не врет ли Максим.

– Привет, слушай, правда ли, что Максима выгнали из кабинета Ирины Викторовны? – спросил я, заглядывая в наш кабинет.

– Кто тебе такое сказал? – удивилась Кристина.

– Максим сказал.

– Да? Не помню такого, – ответила она, хмуря брови.

Валера сказал то же самое, подумал я, но не стал заострять внимание.

– Да не обращай внимания на Максима, он всегда прикалывается. Не могла Ирина Викторовна его выгнать, да и меня тоже, кстати! Мы с ней часто спорим, меня не выгоняет! А Максима тем более!

Ольга, сидящая за столом, нахмурилась:

– А вот я думаю, что могла. Ты ей палец в рот не клади, она всегда такая. Постоянно себя так ведет.

Кристина даже усмехнулась.

– Да ты что? Она нас всех выгоняет?

Аня присоединилась к разговору:

– Да не, но вот как-то я ходила на проверку с релизами, а она сидит с кинопрокатом и их отчитывает.

Кристина задумалась, покачав головой:

– Ну, муштрует – это понятно! Это ее классика. Она всех учит, меня в том числе. Но чтобы выгнать... не было такого! Хотя, до слез, да, доводила. Но это по другим причинам! Особенно когда все не по ее!

– В смысле, до слез? – удивился я.

Кристина чуть наклонилась вперед, как будто собиралась открыть мне какой-то важный секрет:

– Когда ее выкрутасы начинают бесить, ну, просто хочется плакать. А ты, Саш, ей подыгрываешь! Еще и футболку с Гераклом надел! Она уже себе выдумала, что ты ей тайные знаки из Вселенной посылаешь. У нас ведь Ирина Викторовна – человек впечатлительный. Для нее кино – это не просто кино, это жизнь! Я, как твой начальник, прошу тебя больше с этим не связываться! А то вчера Спарта, завтра Великая французская революция, а послезавтра она нас заставит настоящие фильмы снимать! А ты будешь писать сценарий!

Я не смог удержаться от тихого смеха.

– Ага, Максим тоже хотел снять фильм, я слышал, – добавил я.

Кристина серьезно покачала головой.

– Нет, мы с Максимом работать не будем. Это не в наших обязанностях. Ты, Саш, к ней не ходи больше. Пусть она там свой сценарий конченгутский пишет. Или как его... не помню.

Аня, как будто внезапно вспомнив что-то важное, сказала:

– Кстати, она ко мне последнее время не лезет. Но все равно называет наш отдел "Тайным Орденом Филологов". А

тем, кто из филологов работает, она прямо фартуки с Пушкиным раздаст!

Я усмехнулся:

– Когда она мне звонит, я всегда второй раз здороваюсь и называю ее Ирина Викторовна, на всякий случай. А то если этого не делать, она дико обижается и дает еще больше правок в тексты. А у меня их и так полно. Говорит: "Пока стажирешься у меня, надо пройти обучение. Потом поймешь, для чего все это."

Я хотел рассказать ей, что недавно увлекся корейскими дорамами, но Ирина Викторовна не любит обсуждать сериалы.

Кристина заметила мое замешательство и быстро добавила:

– Она считает, что мы с сериалами не работаем и обсуждать их не стоит. Но сама при этом смотрит какие-то сериалы про маньяков и мафиози. И еще ей нравятся современные итальянские киношки – что-то про красоту, величие и эстетику. Я такие вообще не смотрю – скукота.

– И какие дорамы ты ей пытался обсудить? – продолжила

Кристина, явно заинтересовавшись.

Я расслабленно сел на стул и вздохнул:

– Был такой случай. Захожу в кабинет, она мне выдает кучу новых заданий, шутит про что-то: "елки-палки, дед на свалке!"

Кристина не смогла удержаться от смеха:

– Чего? Чего?!

– Это она пародировала кого-то из коллег, не знаю даже кого, – сказал я, с улыбкой объяснив.

Кристина подняла брови, явно заинтригованная:

– Ладно, и что было дальше?

Я продолжил, чувствуя, что рассказ затягивается:

– Я ей говорю: "А вот эта тема власти и семьи, которую вы просили для заставок, это же сейчас популярный сюжет в корейских дорамах!" То есть, сериалах. Там всегда конфликты – богатые против бедных, семейные распри, захват власти, обманы, месть, давление общества...

Ирина Викторовна, не теряя хладнокровия, ответила:

– А, ты мне можешь не рассказывать, я смотрела «*Пентхаус*», «*Винченцо*», и когда-то давно «*Олдбой*», «*Паразиты*». Да, у них часто такие темы – месть, деньги, семейные узы... И постоянно комедия с драмой переплетается. Что-то в этом есть. Хотя вот «*Олдбой*» – это ведь переделка сюжета Дюма, «*Граф Монте-Кристо*». Я бы даже сказала, что это деконструкция! Главный герой пытается мстить, а в итоге мстят ему!

Я, слегка удивленный, ответил:

– О, а я не знал, спасибо.

Ирина Викторовна улыбнулась:

– Да, корейская кинематография многое заимствует из литературы. Например, эти истории о Золушках. Хотя у нас тоже такое есть. Мы постоянно экранизируем литературные сюжеты, вроде «*Мастера и Маргариты*» и книги про бандитов 90-х.

Я воскликнул:

– Это как «Дюна»!

Ирина Викторовна налила себе кофе и с ухмылкой сказала:

– Ой, опять ты это вспомнил. Я фантастику не люблю, это не мое. Но они вообще не похожи. Это тебе Максим научил? Вы надо мной издеваетесь, да?

– Нет, конечно, Ирина Викторовна! – быстро ответил я, чувствуя, что все это может плохо закончиться.

Кристина, не выдержав, перебила:

– Какой-то долгий рассказ получился. Я не поняла, к чему все это?

Я тоже не понимал, но это было просто воспоминание.

Кристина взглянула на всех с раздражением:

– Короче, не спорьте с Ириной Викторовной, нам еще фестиваль проводить! А то она мне уже жалуется на вас. И будет у нас тут киносемья, но неблагополучная.

Вдруг Ирина Викторовна дала мне новое задание – отпра-

виться в город и встретиться с ее знакомым, Михаилом Михалычем, по важному поручению.

Она стоит в центре комнаты, сдержанно улыбается, но ее взгляд остался темным, будто в его глубине скрыта целая вселенная. Она медленно протягивает мне черную, таинственную коробку, обернутую в какой-то необычный матовый материал, словно это не подарок, а нечто более весомое, что не должно быть раскрыто.

– Это тебе, – говорит она, ее голос кажется вдруг немного более холодным, чем обычно. – Передашь Михалу Михалычу. Но помни, Саш... не открывай коробку. Ты понял? Ни в коем случае не открывай.

Я смотрю на коробку, чувствуя, как в груди начинает нарастать напряжение. Вопросы как будто все больше и больше скручиваются в узлы.

– Но что, если он будет спрашивать? Что если он захочет посмотреть, что внутри? – не удерживаюсь я от вопроса, не зная, что скрывается за этими странными требованиями.

Ирина Викторовна не сразу отвечает. Она словно задумалась, что-то обдумывая в голове, а потом, как будто из другого мира, произносит:

– Ты поймешь, как ответить, когда придет время. – ее слова тянутся, как дым, неясно и неуловимо. – Ты просто скажешь, что это от Ирины Викторовны, и она шлет вам презент. Все.

Я пытаюсь осмыслить ее слова, но, словно она не дает мне право что-то понять.

– А если он... откажется? Что мне делать? – спрашиваю я, совершенно запутанный в ее требованиях.

Ирина Викторовна не проявляет ни малейшего беспокойства, ее лицо остается неподвижным, как маска.

– Не уходи, пока не возьмет.– ее слова снова звучат твердо, как приказ. – Стоять. Молчать. Даже если он будет спрашивать, что в коробке, ты молчишь. Молчи минимум две минуты. Лучше пять. Прочувствуй этот момент, Саш. Это не просто передача подарка, это... настрой. Ты должен быть в нем. Включи легкую музыку на фортепиано, как саундтрек твоего пиар выхода с подарком. Легко, ненавязчиво. Время должно быть правильным. Ты почувствуешь, когда все станет на свои места.

Я смотрю на нее, не зная, что сказать. Все, что я могу –

это кивнуть. Понимание приходит поздно, и мне становится ясно, что я, возможно, даже не пойму всего смысла до самого конца этой истории. Но выбора нет.

– Но если он не возьмет? – снова спрашиваю я, потому что что-то в этом все равно не дает мне покоя.

Ирина Викторовна делает паузу, ее глаза становятся холодными, как стекло.

– Не уходи, пока не возьмет. Ты не можешь уйти. Это часть твоей миссии. Ты стоишь и ждешь. Ты все поймешь, но только после фестиваля. – ее тон не оставляет места для сомнений. – Молчишь. Никаких слов. Просто стоишь.

Мое сознание слегка теряется в абсурде ее указаний. Как это вообще работает? Что за странное испытание, где есть только молчание и паузы, и где главное – это ожидание, которое ты сам не можешь понять, но должен пройти?

Я киваю. Что еще остается? Вопросы теряются в этом странном моменте, в котором я, наверное, и сам стал частью какого-то сюжета, полного тайных правил и невидимых сил.

– Ты понял, Саш? – Ирина Викторовна завершает разговор, но ее взгляд как будто все еще удерживает меня в ло-

вушке. – Ты – ключ. И ты не можешь уйти, пока не раскроешь дверь.

Забираю коробку и отправляюсь в путь, все еще не понимая, как и зачем все это нужно.

Я подошел к зданию, под которым уже начали сгущаться странные тени, и увидел вывеску: *Hades*. Я даже на мгновение задумался, не привиделось ли мне. Это не ресторан, это, похоже, был вход в некое измерение, где реальность и вымысел могли переплестись в единое целое.

Здание выглядело как нечто, забытое временем – массивные черные колонны, будто затмение пеплом, срезы окон, будто вырезанные ножом. На окнах висели тяжелые бархатные занавеси, но они не просто затемняли свет, а словно поглощали его, и изнутри доносился приглушенный, хоровой звук, как откуда-то из глубины.

Когда я открыл дверь, запах был странным: сочетание свежести после дождя и какой-то древней древесной смолы. Проходя вглубь, я ощутил, что будто попал в иной мир. Повсюду витал полумрак, а свет, который проникал сквозь тяжелые окна, был мутным, как затмение.

В центре помещения стояли высокие колонны, охватыва-

ющие зал по кругу, а между ними – неоновые огоньки, которые перемещались, не касаясь поверхности, и мерцали, словно маленькие призраки.

На стенах были изображены фигурки, напоминающие древнегреческие мифы, но с неким жутким поворотом: ангелы, но с крыльями, что-то напоминающее змеевидные суеверия и существа, которых не хотелось бы встречать в темных уголках сна.

Среди этого всего, за одним из огромных столов сидел Михаил Михалыч. Его фигура была почти неразличима в полумраке, но по мере того как я приближался, он становился все более четким. Он сидел на огромном кресле из черного кожи с золотыми вставками, напоминающими старинную греческую броню, но что-то в его облике было странно современным.

В желтом костюме. Его очки отражали тусклый свет, и на его ногах... эйрмаксы? Странные кроссовки, такие легкие, как крылья, настолько идеально подходящие для того, чтобы перемещаться в пространстве с высочайшей скоростью.

Он поднял взгляд, и я понял, что он не просто сидит, а как бы поглощает пространство вокруг, словно его тело было одновременно и здесь, и в другом измерении.

– Саша, ты пришел, – сказал Михаил Михалыч, в его голосе было что-то туманное, как шепот древних ветров. – Садись. Мы тут по делу. Вижу, ты смущен. Не волнуйся, это нормально. Мы с тобой на правильном пути.

Он махнул рукой, и передо мной вдруг появился стол с чашей винного цвета, покрытого что-то типа таинственного фрукта, который выглядел так, будто уже был съеден, но при этом продолжал оставаться целым.

Я сел напротив, не зная, что сказать, и в этот момент, Михаил Михалыч, видя мое замешательство, добавил:

– Ты сейчас понимаешь, что твоя роль здесь – не просто передать коробку. Ты сам, как посланник между мирами, – посредник, – его голос стал немного серьезнее, и я почувствовал, как слова начинают проникать в меня с удивительной силой. – Ты должен понять, что этот фестиваль – это не просто забава. Это война, Саша. Война с невидимыми силами, которые могут разрушить все, если мы не будем действовать в унисон. Ты должен передать подарок, и только тогда, когда ты поймешь его суть, ты поймешь, что тебе делать дальше.

Его слова были как заклинание, но что-то в их интонации

заставляло меня сомневаться, что все, что происходит здесь, имеет хоть малое отношение к обычной реальности.

Михаил Михалыч снова поднял взгляд. Его глаза сверкали, и я видел, как они отражают свет ламп и отголоски туманного пространства.

– Но, возможно, ты все поймешь только после фестиваля. И тогда, может быть, ты увидишь всю картину. Но сейчас... – он сделал паузу и улыбнулся, – Ты должен передать ее, но так, как тебе сказала Ирина Викторовна. И тогда ты увидишь. Все, что будет дальше – не твоя воля.

И я понял, что под этим странным слоем слов скрывается нечто гораздо большее, чем я мог представить. Вся эта ситуация – это не просто дипломатическая миссия, а загадка, запутанная в тайных знаках. Моя миссия – не просто выполнить роль посланника. Я был участником чего-то гораздо более великого и, возможно, опасного. Или это был какой-то пранк от Ирины Викторовны.

Я исполнил ритуал. Повторил лова и больше ничего. Михаил Михалыч не спешил брать подарок. Он сидел, скрестив ноги, и, казалось, изучал меня, как какой-то странный объект для эксперимента. Я не мог поверить, что на кинофестивалях практикуют такие сеансы черной магии! Ну, ладно, ду-

маю, киношники – народ суеверный, как и многие профессиональные сообщества. Это нормально. Непонятно, но нормально.

Но время тянулось. Ирина Викторовна говорила о пяти минутах. Я выставил руки с ее подарком и ждал. Прошло десять. Руки начали затекать. Но Михаил Михалыч все сидел, как застывшая статуя, и смотрел на меня, будто я был его единственным зрелищем в этом зале. Его взгляд был глубокий и одновременно пугающий – как на шахматную партию, где не видно ни короля, ни матового положения, только бесконечная игра в тени.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.